ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ СЕДЬМОЙ
ВЫПУСК V—VI

ЛЕНИНГРАД

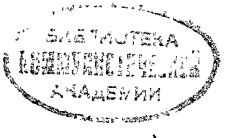
И. И. МЕЩАНИНОВ

К ВОПРОСУ О СТАДИАЛЬНОСТИ В ПИСЬМЕ И ЯЗЫКЕ

1 9 3 1

Печатается по постановлению Государственной Академии Истории Материальной Культуры.
15 июня 1930 г.

Ученый Секретарь С. Быковский



1184
31

Ленинградский Областлит № 5662. — 6 6/16 печ. л. — Тираж 1000

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12.

К ВОПРОСУ О СТАДИАЛЬНОСТИ В ПИСЬМЕ И ЯЗЫКЕ.

В тесной связи с историею развития человеческой речи стоит и история развития письмен. В те отдаленные от нас периоды, когда человек шел к стабилизации своего условного знака на обозначение отдельного образа, он едва ли пользовался уже членораздельною звуковою речью. Даже в предшествующем периоде господства кинетического языка мы не можем отрицать установившейся детализации жеста для прикрепления различных его положений к обозначению внешне в нем выражаемого содержания мысли. Представляя определенный образ условным телодвижением, в частности рукою, человек мог выразить его как движением самой руки, так и изображением этого движения на каком-либо предмете. Другими словами, человек мог представить свое желание условным сигналом, выражаемым или путем движения самого его тела и его частей, или же нанесением этого сигнала на имевшуюся в распоряжении человека твердую поверхность, воспроизводя движение тела, руки и пр., или же условно передавая их хотя бы самым простым построением линейного чертежа. Сравнительная легкость изображения различного положения руки нанесением ее в прямолинейном рисунке или условною передачею штриховою графикою вынуждает нас с большею осторожностью отнестись к многим условным знакам, нередко ошибочно воспринимаемым нами как простые искусственные и даже случайные нарезки на твердом материале, на дереве, кости или камне, относимых к различным временам так называемой до-истории [1].

[1] К сожалению, сама техника раскопок не была в достаточной степени развита для того, чтобы в сознание исследователя вошла необходимость обращать внимание на весь комплекс находок, и бывали весьма частые случаи, когда из культурных слоев каменного века отбирались одни только орудия. При таком положении мы не можем иметь правильного представления о каком бы то ни было творчестве человека, кроме искусственного изготовления орудия. Это касается не только нижнего палеолита, до-шелльской эпохи, периодов шелля и ашейля, но и среднего палеолита, объединяемого общим именем мустье, а в значительной степени даже и верхнего с его слоями ориньяка, солютрена и мадлена.

В некоторых случаях, знак жестом мог совпадать с его графическим изображением в виде хотя бы весьма несложной линейной фигуры, до известной степени условно передающей кинетический знак [1]. Но в то же время и сам жест периода кинетической речи являлся определенным сигналом, тоже условно прикрепленным к обозначению определенного выражения. Он, во всяком случае, не мог быть всегда реалистичным, то-есть не мог в точности повторять то содержание, каковое вкладывалось в него говорящим жестами человечеством, также как и многим позднее возникшая членораздельная звуковая речь вовсе не повторяла естественного звука, непосредственно связанного с тем образом, к обозначению которого он прикреплялся. И если жестом значительно легче чем звуком передать определенное движение, например, движение удара, то все же в основе кинетической речи не лежит одна только имитация движения, также как звуковая речь вовсе не покоится на звукоподражании, на повторении крика животного или эмоционального звука самого человека, испускаемого им при том или ином его действии [2]. К тому же, человек в отдаленнейшие периоды его жизни вкладывал в жест разговорной речи значительно бо́льшее содержание, чем обозначение отдельного его собственного движения. Он, согласуясь с его же собственным мышлением той поры, не мог еще вполне освободиться от слитного, диффузного восприятия, и языковое его общение, уже в силу одного этого, не могло строиться обозначениями единичных предметов. Охотник мог жестом звать на совместную охоту, имея в виду даже вполне конкретную дичь, но все же жест выражал целую фразу, и само движение руки или тела оказывалось понятным только в вырабатывавшемся соглашении сочленов коллектива на таковое его понимание.

Такая условность знака, выражаемого не звуковым комплексом, а внешним движением тела и его органов, могла, в последнем случае, получить более реальное оформление при его передаче графикою. Тут, вместо движения руки, можно было условно вложенное в него содержание представить изображением того животного, на которое направля-

[1] Особого внимания заслуживают изображения руки на до-исторических памятниках. Руки представлены в различном положении, иногда заметно даже выделение отдельных пальцев. Встречаются фигуры правой и левой руки, в прямом и наклонном положении, см., например, грот Гаргас в Пиренеях, Г. Осборн, Человек древнего каменного века, рус. перевод 1924 г., стр. 250, M. C. Burkitt, Prehistory, 2 ed., Cambridge, 1925, тбл. XVII и др. Более чем возможно, что в этих изображениях мы имеем пиктограммы. Пережиток их, уже утративший пиктографическое значение, сохраняется по сей день и хорошо известен, между прочим, на Кавказе в среде даже современного населения.

[2] Звукоподражание кладется в основу звукового языка и представителями индоевропейской школы лишь с большими оговорками, см., например, Д. Н. Ушаков, Краткое введение в науку о языке, 9-е изд., Москва 1929 г.

лось действие охотника[1]. Следовательно, фраза, вложенная в жест, и она же, представленная в графике, совпадали, при таких условиях, лишь в своем содержании, оба сигнализуя одно и то же, например, охоту на зверя, но они уже расходились в своей внешней передаче, а именно, одно и то же содержание различно выявлялось во внешнем его выражении в речи и в письме, в первом случае жестом, каковой являлся условным сигналом, а во втором — рисунком, воспроизводящим объект желания в его реальном представлении, то-есть в образе самого животного.

Для уточнения высказанных положений следует иметь в виду, что оба эти способа общения, и речь жеста и речь рисунка, использовывались в общих заданиях сношения, согласуясь с имевшимися потребностями коллектива. Между тем, все имеющиеся у нас сведения говорят о том, что, по миропониманию охотника каменного века, сношение требовалось между всеми участниками жизни коллектива, каковыми являлись не только сочлены данного коллектива (люди), но и его тотем, который принимал непосредственное участие во всех его действиях, играя активную роль и в его охотничьем акте[2]. Тотем олицетворял собою весь коллектив. Его нужно было извещать и привлекать к участию в каждом действии коллектива, обращаясь к нему устною речью или письмом так, как это делается по отношению к живому разумному существу. Следы первого не могли дойти до нас в их непосредственном виде, как связанные с определенным движением, с определенным жестом говорившего человека, бесследно исчезавшим по выполнении самого кинетического знака, последнее же, письмо, начертанное на твердом предмете, обусловлено своим длительным существованием сохранностью самого носящего его памятника. В связи с этим, нам приходится с известною долею осторожности подходить к так называемым реалистическим изображениям примитивного охотника, будто бы чертившего фигуры для собственного развлечения в моменты досуга, на самом же деле они имели вполне утилитарное значение и вовсе не преследовали одни только цели развлечения[3]. И если его знаки письменности носили в себе магическое содержание, то должны были согласоваться с таким же содер-

[1] См. рисунки верхнего палеолита.

[2] См. Токин, Очерк происхождения религиозных верований, Москва 1930 г. Там же и новейшая литература.

[3] Ср. H. Breuil, La dégénérescence des figures d'animaux en motifs ornementaux, Comptes-rendus de l'Acad. des Inscrip., 1905, стр. 105—120; Van Gennep, Études d'ethnographie algérienne, стр. 90; M. Boule, Les hommes fossiles. Éléments de paléontologie humaine, Paris 1921; E. Pottier, Catalogue des vases antiques du Louvre, стр. 247—248 и его же, Étude historique et chronologique sur les vases peints de l'acropole de Suse. Délégation en Perse, XIII (1912), стр. 39, и др.

жанием жестикуляции. Графическое изображение преследовало тот же характер общения как и кинетический знак, как жест, мимика и пр. Таким образом, мы уже в палеолитических фигурах имеем достаточное основание к прослеживанию связи жеста с письмом, или вернее, к прослеживанию кинетического способа общения во внешнем его выражении, каковым являлся как знак жеста, так и знак графики, то-есть письма.

Указав на то, что охотник, считающийся с магическою силою и признающий необходимость общения с нею, использовал развивавшиеся им средства общения как в непосредственных сношениях с членами своего коллектива, так и в сношениях с тотемом, нам необходимо иметь в виду, что последний воспринимается как объединитель коллектива. Пережиточно сохранившиеся следы этого периода в позднейшем уже развитом звуковом словотворчестве целым рядом своих семантических рядов и анализом таких слов как вышедшие из тотемистических объединений племенные названия, как термины собственности и местоимения, как термины, выражающие действия и т. д., явно свидетельствуют о пережитом периоде, когда каждый член коллектива являлся членом тотема, собственность коллектива оказывалась собственностью того же тотема, каждое действие коллектива было действием тотема, поэтому его же действием представлялось действие каждого сочлена коллектива, а, следовательно, и каждый их трудовой акт[1]. Такое диффузное состояние, сливающее тотема с самим человеческим объединением в различных его проявлениях, обусловлено нерасчлененностью самого охотничьего общества, переходившего к специализации труда только в слоях верхнего палеолита уже на рубеже перехода к скотоводству и даже мотыжному земледелию[2]. В связи с этим слабо расчлененным должно было быть и мышление, в значительной степени образное, а равно и отражающее его общение жестом и письмом, тоже образными.

Сношение с тотемом, а также и сношения сочленов коллектива между собою, при отсутствии еще членораздельной звуковой речи, возможно, как уже указывалось выше, или движением руки, мимикою, телодвижениями, или же графическим изображением. Первые, нося временный характер и прекращаясь с окончанием определенного движения, более доступны широким массам коллектива и корнями своими уходят в недосягаемую глубину, тогда как последнее, графика, является определенным достижением уже явно очеловечившегося существа и к тому же достижением охотничьего общества едва ли еще простого только

[1] Сжатое изложение выводов Н. Я. Марра см. в ряде его работ, например, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule étrusques et pélasges, Petrograd 1922; его же Яфетическая теория (Баку 1928), стр. 82 сл.

[2] См. ниже, в описании IV стадии (верхний палеолит).

собирателя. К тому же «письмо» длительно в своем существовании, и, хотя пользоваться им может каждый смотрящий на данное графическое изображение, но лишь посколько он к нему допускается. Следовательно, письмо, если и не все целиком, то во всяком случае в известной своей части и в известном периоде своего существования при уже развитой коллективной охоте на крупного зверя, получает несколько замкнутый характер, обособляясь в этом отношении от речи жестом и мимикою.

Предпосылка к некоторой обособленности рисунка-письма обусловлена тем, что он, как носящий длительный характер общения, наиболее удовлетворял потребности коллектива при его сношениях именно с магическою силою, чем при сношении членов коллектива друг с другом, так как для внутреннего сношения между своими сочленами в объединениях коллективной охоты было вполне достаточно выражение воли временною сигнализациею жестом. Отсюда мы можем признать особое по сравнению с речью, магическое содержание именно в рисунке, не носящем такового кратковременного характера. Но, посколько жест и рисунок оба оказывались различными выявлениями способов общения, мы и в последнем, то-есть в рисунке, даже при отмеченном его преимущественно магическом содержании, должны видеть ни что иное как одно из средств общения, хотя бы и преимущественно с тотемом или магическою силою, выраженное графически, следовательно, письмом. Можно даже предположить, что начало письма относится к периодам уже тотемистических объединений, отпечаток которых оно и сохранило, тогда как жест и мимика в значительной степени древнее, уходя своими корнями чуть ли не в животное состояние.

Изложенная связь графического изображения, то-есть письма, именно с тотемом подтверждается и палеонтологическим анализом наличного языкового материала, арб. kaϑ-a-ba, евр. kāϑ-a-b 'написал', сир. kəϑ-a-b, арб. kıϑ-āb, евр. kϑ-āb 'книга' и т. д. стоят рядом не только с 'печатью' евр. ḳoϑ-ā-m, сир. ḳoϑ-mā, арб. ḳāϑ-a-m 'перстень с печатью', но и с груз. ḳat, сохранившим в яфетических языках значение 'рисунок', 'образ', 'бог', 'святыня', то есть 'тотем', а в ново-египетском, еще иероглифическом, уцелевшим в значении 'печати' ḳt [1]. И не только в перечисленных примерах всплывает связь письма и рисунка с магиею, божеством, тотемом и колдуном. По словам Н. Я. Марра, это оправдывается также в полной мере наличным в яфетических языках глаголом 'читать', в частности груз. ıkıϑḳa 'читал' означает равным образом 'гадал', 'колдовал', 'чародействовал', происходя, ɋчевидно от имени чары, магия, тотем и т. д. Н. Я. Марр указывает и на армянскую основу гла-

[1] Н. Я. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', Книга о книге, I, 1927, стр. 67.

гола kard-al 'читать', связанную как с племенным названием, так равно и с понятиями 'тотем', 'бог'. Термин kard мы находим не только в основе kardu-q̇, названия курдов в древности, qarϑ-vel, национального имени грузин, но и в урартском имени q̇ald, означавшем главного бога народа халдов территории б. турецкой Армении, а также qawd-eay 'колдун' и q̇ard в составе ka-q̇ard 'колдун', являющимися лишь разновидностями приведенного слова kard в значении 'тотема', 'бога', 'шамана' или 'ворожея'. Н. Я. Марр ссылается и на термин korān (kor-ƒan), означавший 'племенного бога' до закрепления за ним названия 'книги', и стоящий в непосредственной связи с арб. kur-ƒ-a-ϑ 'судьба', 'жребий' а равно 'клеймо' или 'знак'[1].

Когда палеолит присоединил к числу своих рисунков также и реальные изображения животных, то есть сумел раскрыть условное содержание жеста передачею самого образа в рисунке, он их же включил и в свою систему письменности, что в последующих периодах жизни письма наиболее ярко выразилось в иероглифах древнего Египта и в пиктографических знаках вообще Передней Азии. Эти последние являются по своему существу только дальнейшим оформлением того же самого рисунка, хорошо известного еще со времен каменного века, но принявшего более обычное для нас размещение письменных знаков и потому затуманившего в глазах исследователя их преемственную связь. Мы имеем тут трансформацию письма, вызванную новыми потребностями новых общественных формирований, а вовсе не новое изобретение носителей цивилизации в образе великих народов, обитавших долины Нила и Месопотамию, будто бы сделанное ими, к тому же, на заре их собственной истории[2]. Исследователи обычно проводят здесь резкую грань, стремясь уловить момент появления «настоящей» письменности[3].

Появление реалистического рисунка в палеолите было даже не включением его в систему письма, а лишь осложнением письма реалистическими изображениями, представляющими определенное достижение эпох коллективной охоты на крупного зверя, когда писавший человек уже дошел до раскрытия условного знака путем графического начертания в рисунке условно сокрытого в нем содержания[4]. Но все же и эти реалистические изображения не могли не носить того же самого утилитарного значения и были такими же знаками, графически предста-

[1] Н. Я. Марр, ук. с., стр. 75. Ср. его же, Название этрусского бога смерти kalu и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт' и 'слепец' (ИАН 1924), стр. 183—194, и др.

[2] Ср. В. В. Струве, Происхождение алфавита (Петроград 1923).

[3] См., например, Г. Обермайер, Доисторический человек (СПБ, 1914), стр. 250: «нам прекрасно известно, что первыми предтечами настоящей письменности...».

[4] См. ниже в описании IV стадии.

вленными, то-есть теми же письменами, а вовсе не памятниками чистого искусства[1].

В связи с этим, нуждается, с одной стороны, в пересмотре весь комплекс имеющихся фигур на палеолитических изделиях, и, с другой, ощущается необходимость возведения всего возникшего отсюда пиктографического письма, в обычном его суженном понимании, в своих начальных стадиях к периодам еще кинетического способа общения, так как пиктограмма, по самому своему существу, реалистична в передаче фигур и их различных положений, то-есть отвечает содержанию именно кинетического сношения, а не явно условной сигнализации звукового языка. Следовательно, для разрешения генетического вопроса в части, касающейся иероглифов и пиктограмм Передней Азии, уже веков металла, исследователю неминуемо придется спуститься в эпохи палеолита, или, во всяком случае, учесть материал его пиктографического письма, хотя бы и как способов общения иного стадиального оформления, оставляемого нами пока без внимания, главным образом потому, что изобретение письма мы ошибочно считаем совершенно обособленным фактом и приписываем его гению избранного народа. Кроме того, палеолит обычно отделяется исследователем от египетского homo sapiens'a как глубокая «до-история», вход в которую зорко охраняется палеоэтнологом, хотя бы и обращающим внимание на до-династический период. Между тем, по изложенным выше основаниям, более чем вероятным оказывается возведение начальных стадий письма к эпохам, предшествующим периодам даже формирования членораздельной звуковой речи. Следовательно, письмо как таковое, старше звукового языка.

Утилитарное значение рисунка, как средства общения, дает его происхождению более реальное объяснение, чем, например, определение Hoernes'a, представленное им в следующем виде: Sinnliche Liebe und Nachahmungsbedürfnis sind die Genien dieser Kunst; noch steht, wie es scheint, keinerlei religiose Bedeutung hinter ihren Darstellungen[2]. Натуралистического толкования начальных стадий рисунка придерживается также E. Pottier, отчасти van Gennep и целый ряд других исследователей, удостоивших своим вниманием памятники палеолита[3]. Нам приходится, в виду всего изложенного, с крайнею осторожностью подходить к их оценке материала и к делаемым ими выводам, оторванным от действительности окружающей рисунок среды. Значительно

[1] См. ниже в описании IV и V стадии.

[2] Hoernes, Urgeschichte der bildenden Kunst (I Aufl. 1898), стр. 184. См. также M. Verworn, Zur Psychologie der primitiven Kunst (Jena 1917) и Die Anfange der Kunst (Jena 1920).

[3] E. Pottier, van Gennep, ук. с.

больше оснований имеется у нас склониться в пользу мнения таких исследователей, как Брейль, Капитан, Клаач и др., в их числе Обермайер и Кюн, устанавливающих магический смысл рисунка[1]. Именно это его содержание не менее ясно выступает в тех своеобразных фигурах полулюдей, полу-животных на изображениях древнего каменного века, в которых усматриваются сцены магического действия, как-то люди в масках, пляска шаманов и др.[2].

В дальнейшем изложении я делаю попытку дать стадиальное прослеживание истории развития письма в связи с историею развития языковой речи, опыт, конечно, далеко не законченный и преследующий исключительно цель постановки вопроса для дальнейшей исследовательской работы в этом направлении.

I. ПЕРИОД ОБЩЕНИЯ АВТОМАТИЧЕСКИМИ ТЕЛОДВИЖЕНИЯМИ БЛИЗКИМИ К СОСТОЯНИЮ АФФЕКТА (СТАДИЯ СОБИРАТЕЛЯ С ЕСТЕСТВЕННЫМ ОРУДИЕМ, ЭОЛИТ).

Кинетическая речь, как устанавливается рядом яфетидологических исследований, является одним из древнейших способов общения, и в этом отношении она значительно опередила развитие диффузного выкрика, выделившего членораздельную звуковую речь многим позднее при совершенно иных условиях деятельности охотника следующих уже в значительной степени развитых стадиальных оформлений[3].

Когда человеческим объединениям потребовались средства общения, хотя бы в пределах сочленов одного коллектива, в распоряжении человека для этой цели имелось тело и его органы. Мимика, телодвижение и в частности жестикуляция, объединяемые общим понятием кинетической речи, являлись, на первых ступенях развития средств общения, поддающимися более легкой дифференциации, чем имевшийся тогда же у человека животный выкрик, который, при совершенно иных условиях деятельности уже развитых общественных группировок, оказался, наоборот, более расчленяемым чем сигнал телодвижением. Яфетидология утверждает, что, на первых ступенях развития, упор шел на исполь-

[1] H. Obermaier, El hombre fosil, Madrid 1925, стр. 139, 272, 290; Capitan, La Magie chez les Magdaléniens du Tuc d'Audoubert (Rev. Anthrop. 1923), стр. 163—170; Klaatsch, Die Anfange von Religion und Kunst in der Urmenschheit (Leipzig 1913); H. Kuhn, Kunst und Kultur Europas (Berlin — Leipzig 1929), стр. 457 и др.

[2] См., например, грот трех братьев, Абри-Меж, Когул, Г. Обермайер, Доисторический человек, стр. 496, 505, рис. 252, 258 и др. M. C. Burkitt, Prehistory, рисунок у заглавного листа, а также рис. XXX и пр.

[3] См. генеалогическое дерево, Н. Я. Марр, Яфетическая теория, стр. 41.

зование именно кинетического знака, первично, может быть, слитно во всех возможных проявлениях движений органов тела, до сочетания телодвижения с нерасчлененным выкриком включительно, являвшимся равным образом составною частью той же кинетической речи.

Я не беру на себя характеристики той стадии развития кинетической речи, когда мы еще не можем говорить вообще о речи как таковой в ее буквальном понимании, а можем говорить только о зарождении ее, о тех предпосылках, каковые обусловили не ее развитие, а лишь возможность ее последующего оформления. Ограничиваюсь ссылкою на соответствующее место одного из руководящих пособий по общему учению о языке. По словам Н. Я. Марра «сравнительно с звуковой речью кинетическая речь более, несомненно, натуральна, у основного орудия производства кинетической речи, руки, более непосредственная или наглядная связь с центром мышления, более непосредственно физическая. Добрая часть кинетической речи могла происходить на начальной стадии ее развития автоматически, под влиянием аффекта, без способности воспринять последствие и причину и их связь, без надобности в мышлении, самопроизвольно, как акт физической деятельности плоти, ставшей носительницей человеческого образа с способностью к движению и передвижению, но тогда эта плоть, это физически человекообразное тело и не было человеческим, тогда не было еще человечества. Но, говорит Н. Я. Марр, постоянное хотя бы самопроизвольное повторение одного и того же действия или немногих сходных действий руки содействовало техническому развитию и укреплению мышления путем накопления определенных навыков, становившихся постепенно, в связи с производством первобытного хозяйства, и создателем представления о причине и последствии, нормирующим началом, выразителем представления о причинности. В сумме эти повторные рефлексы, накопленные навыки человеческого тела и его хозяйственно-общественной работы в их увязке, увязке физики с социальным творческим моментом, создавали особую психологию первобытного человечества, психологию отличную от животной. Длительное господство кинетической речи, многие десятки, если не сотни тысяч лет, и явилось источником создания мыслей и укрепления их работы, причем, если технически тут действовала рука, идеологически все зависело от общественности, следовательно, в конечном итоге и от хозяйственного строя, который осуществлялся хотя и без искусственных орудий производства, но с искусственным использованием натуральных предметов производства окружающей физической среды. Следовательно, даже кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку ее развития»[1].

[1] Н. Я. Марр, Яфетическая теория, стр. 88—89. Ср. M. C. Burkitt, Prehistory, стр. 79—83.

Для того, чтобы дойти до потребности общения посредством языка не только звукового, но и кинетического, необходима уже общественная среда, то есть требовалась уже хотя бы и самая примитивная общественная группировка. К тому же, владение орудием, даже в виде естественных осколков камня и обломков дерева, обусловлено длительным опытом человека, далеко отодвинувшегося от того состояния, каковому присваивается имя примата. И если человеку нужны были сотни тысяч лет для того, чтобы перейти от камня к металлу, то не сотни тысяч, а миллионы лет необходимы были ему для продвижения от примата к социальному человеку.

«Человек, уже вполне определившийся, известен от начала четвертичного времени и, может быть, с конца плиоцена. Следовательно, предки его должны относиться к более раннему времени. Несомненно, что вся группа приматов — по существу древесная. С другой стороны, структура человеческого тела (его руки и ноги) связаны с совершенно особою манерою лазанья путем охвата предмета внутренними сторонами голени и опираясь внутренним краем ступни. Эта манера будет соответствовать лазанию не по ветвям, а по скалам. Отсюда можно придти к заключению, что непосредственный предок человека, происшедший от примитивных древесных форм, был жителем скалистых мест открытого ландшафта».

«Среди скал открытого ландшафта легче всего могли иметь место первые шаги к выработке нового способа передвижения, сначала в виде привычки, озираясь, становиться на задние конечности, опираясь передними о высокий предмет. Рука об руку с упрочением этой привычки шло выпрямление позвоночника и усовершенствование подвижности головы. Таким образом, выработка прямостоячей походки произошла в счет усовершенствования ориентировки зрением и у его предка зрение было единственным способом ориентирования издали, единственною возможностью заметить своего или во-время узнать о приближении врага и определить направление, откуда идет опасность. Обоняние, которое играет такую выдающуюся роль в повседневной жизни других млекопитающих, у приматов вообще слабо и не дает возможности почуять издали. Ушная раковина потеряла подвижность, так что и слух не дает возможности определять направление. Жизненная важность усовершенствования этой, в сущности единственной способности ориентирования станет особо очевидной, если мы примем во внимание, что человек, в период своего становления, ранее изобретения им орудий и пользования ими, которое сделало его таким агрессивным и разрушительным элементом фауны, был, в сущности, беззащитным, не обладал ни специальными средствами нападения и защиты, ни быстротою бега».

«Ветвь приматов остается удивительно неспециализированною в смысле строения конечностей, оставаясь примитивными древесными животными и в смысле зубной системы. Но вместе с тем, первые же узнаваемые представители приматов выделяются увеличением черепной капсулы, то-есть увеличением головного мозга. Если принять за критерий успех в состязании за жизнь, то высшею формою этого ряда является человек с его необычайным развитием головного мозга и с конечностями, сохранившими ряд примитивных структур. Там, где на стороне других была сила или специализация, приматам приходилось «умудряться», и в этих условиях на протяжении долгих веков (с базального эоцена того времени, когда впервые наметились приматы, насчитывают[1] до 60 миллионов лет) все время суровый подбор шел в сторону развития головного мозга». В таком виде представляет акад. П. П. Сушкин процесс очеловечения примата, вопрос о происхождении человека[2].

Переход на стоячее положение имел еще одно существенное значение в жизни человека: он освободил его руки, обращая их в основное орудие его деятельности, и при том не только деятельности простого собирателя, бравшего руками плоды и животную пищу, но и последующего уже охотника с его искусственным орудием и далее, сохраняя свое главенствующее значение в целом ряде семантических рядов развитого словотворчества. Рука выступает здесь уже скорее как отражение давно пережитых эпох, оставивших все же неизгладимое по себе воспоминание. Это отметил еще и W. Deonna: «la main d'organe locomoteur devient instrument de travail». Швейцарский ученый вспоминает слова Анаксагора «человек — самое разумное из животных, так как он имеет руки»[3].

Громадное значение руки сохраняется на долгое время и укрепилось настолько, что в функциональных семантических рядах терминов орудий 'рука' является начальным звеном. В работах Н. Я. Марра приводится ряд подтверждающих примеров, как-то: абх. ar 'рука' (в составном ar-g_1a 'рука правая' и ar-ma 'рука левая'); арм. ar-q̇an 'камень', 'скала', баск. ay-ϑ 'камень', 'скала', баск. ays-kora 'топор', абх. ay-q̇a (←*ar-q̇an) 'топор', нем. ay-zen || ei-zen 'железо'. Основа ar 'рука' образована из har ~ hay, наличного в арм. kar-kar 'куча камней' и qar 'камень', та же основа налична в упомянутом выше баск. ays-kora 'топор', в частности именно 'железный топор'[4].

[1] Хронологические данные высчитаны по распаду радиоактивных элементов.

[2] П. П. Сушкин, Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека (Природа 1928 г. № 3), стр. 273—275.

[3] W. Deonna, L'archéologie, son domaine, son but (Paris 1922), стр. 72.

[4] Н. Я. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 34—36.

На основании этого семантического ряда Н. Я. Марр вправе утверждать, что «топор-металл» и «топор-камень» восходят к «топору-руке». По его словам «с руки (идет) начало сложно-производственного организованного человеком труда и созданной им же, его трудовой жизнью на высокой уже ступени хозяйственного развития, звуковой речи. И основной подход к разрешению этой языковой проблемы возможен лишь путем изучения первобытной общественности, путем установления эволюций ее форм и мировоззрений по памятникам материальной культуры»[1].

Можно полагать, что указанный семантический ряд, с рукою в качестве орудия в основе, заходит даже глубже наличных памятников материальной культуры, этою же рукою изготовленных. Камень, как материал и орудие, то-есть древнейшее известное нам изделие человека оказывается здесь лишь одним из промежуточных звеньев, функционально воспринявшим наименование того орудия, которое ему предшествовало, руки. Таким образом, с только что приведенным семантическим рядом «топор-металл-камень-рука» мы спускаемся вниз по вертикальному разрезу во всяком случае до эолита, оставляя высоко над собою изделия даже нижнего палеолита с его каменными поделками и, следовательно, весь наличный археологический материал. Язык донес до нас отражения эпох более древних, чем засвидетельствованные памятниками материальной культуры, и при том донес их, отражая в семантике современного словарного запаса.

Оказывается, что не только разрешение языковой проблемы возможно лишь путем изучения первобытной общественности по памятникам материальной культуры, но и, наоборот, осознание самих памятников материальной культуры, оживление их в их пока узком вещеведческом подходе, все в тех же целях выяснения первобытной общественности, возможно только с учетом данных языкового материала. И это высказываемое сейчас положение остается в силе, хотя бы и раздавались недоуменные по сему поводу возмущения многих современных нам археологов.

Кроме того, по словам Н. Я. Марра, роль руки громадна и как основного объединяющего или организующего орудия речи. Рука находится в центре языковой жизни человечества, также как и в центре производства трудовой его жизни[2]. И, по всем данным, из неменьших глубин диахронистического разреза доходят до нас отражения таких связей как руки и призыва, выступающих достаточно ярко хотя бы в таких

[1] Н. Я. Марр, Средства передвижения и орудия самозащиты и производства в доисторин (Лгр. 1926), стр. 48.

[2] Н. Я. Марр, Яфетическая теория (Баку 1928 г.), стр. 94—95.

примерах, как: груз. tot 'рука', тюрк. tut 'хватать', чув. tut 'держать' и груз. tod 'звать', 'называть'[1].

В древнейшие периоды жизни очеловеченного существа, конечно, он не мог в своих сношениях пользоваться тою членораздельною речью, каковая обусловлена мышлением исторических эпох. Человек общался не словами, образующими фразу, а словом, которое было к тому же не словом, приуроченным к обозначению конкретного предмета или действия, а словом в его диффузном охвате высказываемой мысли. Это был сигнал, приуроченный современною ему общественною средою к определенному обозначению, но еще не расчлененный на составные части для выражения слагаемых частей, входящих в состав даваемого обозначения, лишь нами именно в данном смысле воспринимаемого. Оно само не было еще расчленено, хотя и имело для говорящего точную значимость. С этою оговоркою можно повторить слова А. А. Потебни, распространив их на начальный период языка вообще, а не одного только звукового. «Для первобытного человека, говорит А. А. Потебня, весь язык состоял из предложений с выраженным в слове одним лишь сказуемым. Опасно, однако, упускать из виду мысль Гумбольда, что не следует приурачивать термины ближайших к нам и наиболее развитых языков (например, «сказуемое») к языкам, далеким от нашего по своему строению. Мысль эта покажется, продолжает А. А. Потебня, пошлою тому, кто сравнит ее с советом не делать анахронизмов в истории, но поразит своей глубиной того, кто знает, как много еще теперь филологов-специалистов, которые не могут понять, как может быть язык без глагола. Говорят обыкновенно, что «первое слово есть уже предложение». Это справедливо в том смысле, что первое слово имело уже смысл, что оно не могло существовать в живой речи в том виде, составляющем уже результат научного анализа, в каком встречается в словаре; но совершенно ошибочно думать, что предложение сразу явилось таким, каково в наших языках ... очевидно, первобытный человек не может иметь в своем языке предложения уже потому, что не знает ни падежей, ни лиц глагола, что говорит только отдельными словами»[2], из которых каждое является уже «предложением» с тою его оговоркою, каковая дана в только что приведенной цитате.

Действующее значение руки, ясно выявляемое лингвистическим анализом привлеченного материала живой речи, не менее ясно подтверждается и совершенно независимыми исследованиями антропологов как

[1] Там же, стр. 93.

[2] А. А. Потебня, Мысль и язык (Полн. Собр. Соч., Гос. Изд. Украины, 1926 г.), т. I, стр. 110.

в части изменения речевого аппарата[1], трансформирующегося в связи с меняющимися условиями человеческой деятельности, а вовсе не сменою изначально биологически различных рас, так и установлением связи руководящего аппарата звуковой речи с руководящим же аппаратом активной руки. По словам Б. Г. Ананьева «весь аппарат речи был создан в процессе труда. Развитие производства обусловило изменения в расположении зубов, нёба и подбородка, служившего для прикрепления мускулов, управляющих языком. И в настоящее время можно уловить генетическую связь между активной рукой, как трудовым аппаратом, и речью в морфологии нервной системы (центры правой руки и речи в левой височной извилине, обратное отношение у левшей, где центр речи следует за центром активной руки)[2]». Наблюдение, необычайно интересное в своем установлении тесной связи руки с направляющим речевым аппаратом.

При дальнейшем изложении стадиальных смен в речи и письме, придется учесть не одну только отмеченную связь руки и речи, но и всю основу, двигающую человека по пути развития. Необходимость учета этой основы не отрицается и археологами, хотя бы тем же Г. Обермайером, вполне разделяющим мнение К. Ценкера о том, что «социальное развитие — это вечное стремление выйти за пределы животной жизни, держащейся прочно за существующее, — каждый социальный успех, как бы он ни был мал, представляет собой победу идеи над инстинктом». «Относительно этого вывода, говорит Г. Обермайер, должно лишь заметить, что такое различие между чисто-животною и чисто-человеческою жизнью является не только количественным, но по существу и качественным. Ход процессов развития, длящийся в течении тысячелетий, не может нам объяснить этого факта, так как решительный шаг все же должно было сделать в один определенный момент»[3]. Таким образом, даже Г. Обермайер, выдвигающий свою идею «духа», все же видит перед собою задание прослеживания социального успеха и поисков тех социально-экономических сдвигов, каковые проявляются в решительном шаге, сделанном в один определенный момент, и тем самым выдвигает вопрос о взрыве, продвинувшим человеческое общество в следующую стадию. Г. Обермайер не стесняется здесь даже теми тысячелетиями, которые наблюдаются в ходе процесса развития, так

[1] См. таблицы изменения (соотношения) челюстей у так называемых до-исторических рас, например, у Г. Обермайера, Доисторический человек, табл. XXV у стр. 424; Г. Шурц, История первобытной культуры, II, Москва 1923, рус. перевод, стр. 525—526 и др.

[2] Б. Г. Ананьев, Социогенетическая теория развития поведения человека. Сборник Рефлексология и смежные направления (Лгр. 1929 г.), стр. 37.

[3] Г. Обермайер, Доисторический человек, стр. 479—480.

как ими не объясняется факт различия в качестве и количестве. Сам материал, над которым длительно работал исследователь, вынудил его к этому признанию, другой вопрос насколько действительно справился автор с им же выдвинутым заданием.

Эти положения, вплоть до поисков определенных взрывов, остаются в полной силе даже и при тех оговорках, каковые сделаны М. В. Серебряковым, по словам которого «едва ли можно вообще более или менее точно определить грани переходного периода: начальные стадии человеческого существования были крайне продолжительны, растягиваясь на сотни тысяч и даже миллионы лет, а изменения происходили чрезвычайно медленно и, если так можно выразиться, отличались молекулярным характером. Какой же именно момент следует считать отделением человека от его обезъяноподобных предков: когда его тело окончательно выпрямилось, а сам он начал ходить на двух ногах? или когда у него появилась членораздельная речь? или когда он впервые стал применять грубые ударные камни и кремни с заостренными краями? или, наконец, когда были изобретены способы добывать огонь? При настоящем состоянии палеоэтнологии невозможно с уверенностью ответить на эти вопросы»[1].

Общественно-экономический фактор в развитии человека вынуждает, при изучении происходящих далее стадиальных смен, учесть в первую очередь именно его, как основную причину, обуславливающую происходящие сдвиги. В связи с этим требуется крайняя осторожность по отношению к тем еще широко применяемым построениям, которые весьма сложную картину внутреннего развития и переходов раскрывают упрощенными толкованиями, сводящимися к нередко совершенно искусственным прослеживаниям расовых чередований, столь обостренно выдвинувших односторонний миграционный подход. Казалось бы так. Между тем, именно в этом направлении наиболее страдают даже современные нам работы археологов, и, конечно, не одного только Г. Обермайера.

К известной осторожности в этом пока господствующем направлении призывают и сторонники социогенетической теории развития человека в нижеследующих своих утверждениях: «человек отличается от животных тем, что соотносится с природой не путем пассивного биологического приспособления (обмена веществ, потребления готовых продуктов природы, приспособления через естественные органы и только благодаря им), а способами технологической дифференциации и интеграции продуктов природы. Однако, технологически изменяя природу

[1] М. В. Серебряков, Основные проблемы исторического материализма. Зап. Науч. Общ. Марксистов, 1928 г. № 1 (9), стр. 3—4.

своими искусственными органами — орудиями труда, человек, тем самым, в процессе труда изменяет и свою природу. В процессе труда, и через труд, создаются человеческие конституции»[1]. «Изменяя природу своими искусственными органами, орудиями труда, человек тем самым изменяет и свою природу. Изменение техники, развитие орудий, есть вместе с тем объективная предпосылка для изменений человеческого организма»[2].

Мне пришлось подробнее остановиться на выдвинутых вопросах, чтобы дать тем самым основную постановку своей исследовательской работе, использовав для этого именно первую стадию, наименее ясную по наличному археологическому материалу. Эта стадия освещается не изделиями рук человека, а в значительной степени морфологией человеческого организма и, как это ни странно может показаться археологу, языковым материалом. Но суждения об изменении человека с его биологической стороны пригодны в наших интересах только при подходе к ним, как обусловленным социальным фактором. И именно здесь наиболее опасна миграционная теория, базирующаяся на готовых, уже где-то созданных расах с им присущим строением тела. Тут как раз миграционная теория бесплодна внести какое-либо освещение темных сторон начальных стадий развития человека. Теория переселений, в том узком виде, в каком она только и применяется, бесплодна объяснить какие-либо вообще вопросы, и не только те сложнейшие проблемы смен, за которые она берется. С одной стороны, она, принимая уже сложившийся тип человека, не разъясняет причин, обуславливающих данное его строение, и отрывает человека не только с его насиженного места, чтобы пересадить на другое, но и от направляющей его развитие общественной среды, признаваемой всеми и оставляемой в то же самое время без всякого внимания. Переселенческая волна, в построяемых теориях, течет настолько быстро, что она сметает все, что могло бы воспрепятствовать цельности несущегося этнического потока. С другой стороны, она же, миграционная теория, сворачивает на уродливый путь разрешения генетического вопроса, доходя до сведения отдельных рас к горилле, оранг-утангу, шимпанзе и гиббону, как к реальным предкам трех обособляемых рас[3]. Создается научный мираж в своеобразном «тотемистическом» понимании.

В то же время, некоторая, казалось бы, излишняя остановка именно на этой темной стадии наиболее отчетливо выдвигает тот самый палеон-

[1] Б. Г. Ананьев. О социальном факторе в поведении человека (журнал Вопросы изучения и воспитания личности 1929 г. № 5—6), стр. 19.

[2] Б. Г. Ананьев, Социогенетическая теория развития поведения человека, стр. 33—34.

[3] См. Г. Осборн, Человек древнего каменного века (дополнение Б. Н. Вишневского), стр. 407—408.

тологический анализ словарного запаса и морфологии речи, необходимость которого для истории материальной культуры возбуждает столь сильные сомнения у археолога. Последний беспомощен именно в этих отдаленных периодах, привыкнув орудовать только с вещью и не имея ее здесь под руками. Между тем, оставить эолит без своего внимания не решается тот же археолог, так как он ему нужен в построении последовательной цепи меняющихся культур. Поэтому может быть легче почувствуется тут неизбежность увязки с языкознанием, чем в тех уже развитых периодах, где языковой материал, конечно, выступает еще более ярко, но которые уже дают свои вещевые памятники и тем самым успокаивают исследователя-вещеведа.

II. НИСШАЯ СТУПЕНЬ КИНЕТИЧЕСКОЙ РЕЧИ, ВЫРАБОТКА УСЛОВНОЙ СИГНАЛИЗАЦИИ (СТАДИЯ СОБИРАТЕЛЯ И ОХОТНИКА С ИСКУССТВЕННЫМ ОРУДИЕМ, НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ).

Охотник на мелкую дичь, по существу своему скорее собиратель, то-есть бравший то, что досягаемо его рукою, едва ли чувствовал большую потребность в коллективном труде, и те орудия, которые он стал изготовлять из камня, придавая им путем сколов удобную для пользования форму, были доступны каждому охотнику-собирателю и не требовали для своего изготовления особых, хотя бы и крайне примитивных, мастерских. Хозяйственная сторона жизни этой собирательской стадии не вызывала необходимости больших объединений. Собиратель, в своей деятельности по добыванию пищи, хотя бы в виде пресмыкающихся, птенцов и пр., не нуждался в постоянной помощи другого и, во всяком случае, говорить об организованном труде в эпоху даже всего нижнего палеолита едва ли приходится. В связи с этим, едва ли можно говорить и о потребностях собирателя в развитых формах общения. Он мог довольствоваться, и, вероятно, действительно довольствовался, условными сигналами жестов и мимики, иногда сопровождаемых диффузными, еще не расчлененными, выкриками. Но он уже изготовлял орудия, хотя бы и самыми примитивными сколами, следовательно, был уже в известной степени разумным существом и с этой точки зрения являлся homo sapiens'ом. Значит и мышление его является крайне примитивным только с нашей точки зрения уже далеко продвинувшегося вперед европейца. По существу же, мы застаем в нижнем палеолите громаднейший сдвиг, выразившийся во вне не только в пользовании орудием, даваемым ему в готовом виде самою природою в виде осколков камня, свалившихся веток и т. д., но и в обработке этих орудий. Собиратель уже продви-

нулся из предыдущей стадии собирателя с естественным орудием — в стадию собирателя и охотника с орудием искусственным. Мы имеем здесь, в нижнем палеолите, явно выраженную стадию перехода от собирателя к охотнику периодов до-шелля, шелля и ашейля, имевшую все предпосылки перейти в следующее стадиальное оформление уже охотника в основной его деятельности среднего палеолита, когда развитие прежней обработки орудия привело к тому, что мы в отличие от простого собирательства могли бы назвать охотою на зверя, что в свою очередь обусловило приноровление орудия к новым потребностям и тем самым дальнейшее развитие самой охоты [1].

Пока собиратель еще не преобразился в охотника, в этом его понимании, его средством общения служили или эмоциональные движения органов тела, выражающие восторг, ужас и т. д., но это еще не речь, потому что она непроизвольна и вовсе не предназначена специально для общения, или же условная сигнализация, приурачиваемая не к выражению эмоционального чувства, а к обозначению определенного осмысленного трудового действия, это — уже речь, хотя бы в самых ее начатках. И поскольку сам трудовой акт был еще крайне неразвитым, мы не можем говорить о развитой речи даже в пределах кинетического способа общения рассматриваемой нами стадии. Эмоциональное движение не зависит в своем происхождении от общественной организации, тогда как, наоборот, условный сигнал является таковым лишь по прикреплении к нему определенной значимости. Между тем, такое прикрепление значимости к условному сигналу зависело не от отдельного собирателя, а от всего данного человеческого объединения [2]. И поскольку

[1] Намечаемые археологами три ступени развития нижнего палеолита, конечно, имеют каждая свою характеристику и тип собирателя может быть лишь с большими оговорками применен ко всем этим условно намечаемым периодам. Процесс развития не допускает возможности подхода ко всему нижнему палеолиту как к отдельным стабильным чередованиям и, кажется мне, что исследовательская работа в значительной мере грешит именно с этой стороны. Между тем, некоторые фазы рассматриваемой эпохи уже в значительной степени приближаются к охотничьим объединениям следующей стадии, обуславливая тем самым переход к ней. Если же сходство орудий, на которые и обращалось преимущественное внимание, наблюдается во многих местах, то это обусловлено родом хозяйственной деятельности, а вовсе не породою людей. Первое обуславливало второе, а не наоборот. Поиски этноса, с его расовыми особенностями, здесь совершенно не уместны.

[2] Вся ныне действующая схема деления палеолита на периоды основаны исключительно на анализе форм орудий. Не только фазы нижнего палеолита требуют уточнения, а может быть и коренной переработки, но и вообще вся схема деления палеолита на циклы, а также и вопрос о переходе его в неолит и о самом последнем остаются под вопросом. Мортилье своим делением на периоды внес, конечно, значительное уточнение, но сам материал оказался настолько мало проработанным и настолько еще не достаточным количественно, что никто дальше схемы Мортилье, до сегодняшнего дня включи-

последнее, по роду собирательской деятельности его сочленов, в значительной степени индивидуальной, не могло еще иметь развитых организационных потребностей, и само средство общения условным сигналом, в связи с этим, не могло быть детализовано. Следовательно, число условных сигналов не могло быть велико и значимость каждого сигнала охватывала образ в самом широком его содержании, означая во всяком случае не конкретный предмет сам по себе, а все действие и все, что с этим действием связано.

С другой стороны, изготовление орудия отличает человека от прочего животного [1], равным образом, это же отличие сказывается и в использовании для общения условных знаков не движением тела, а изображением на предмете, то-есть тем, что можно было бы назвать графическим письмом. Судя по имеющемуся материалу, правда крайне ограниченному, мы не можем еще говорить о наличии письма в эту эпоху. Таким образом, стадия нижнего палеолита имела крайне ограниченную кинетическую речь, настолько же ограниченную, насколько ограничен труд собирателя, отчасти и охотника, дошедшего до изготовления орудия весьма не сложною техникою сколов, но письма в эту эпоху, по всем

тельно, продвинуться вперед не смог. Новаторы классификации каменного века ограничиваются лишь незначительными изменениями все тои же схемы, деля древний век камня то на два, то на три периода, и относя мустье то к первому, то ко второму. Существенным изменением считается даже перемена названий, хотя дело вовсе не в названиях, продолжающих оставаться все же условными, и дело, разумеется, не в том, как наименовать средний палеолит, по первому ли месту его находки или латинским и греческим термином. С этой точки зрения и схема Городцова, конечно, ничего нового не внесла и никакой ясности в различиях эпох не установила. Но, с другой стороны, если палеолит когда-либо тоже выявит свои формации или их подразделения, то сейчас для меня попытка такой перестроики продолжает оставаться не доступною. Дело не в одном только материале и типе изготовленного из него орудия, но и в самой структуре пользующегося им человеческого объединения. Выдвинув деление на охотника-собирателя, на охотника периодов мелких коллективов уже организованной охоты и на крупные охотничьи объединения с коллективным охотничьим трудом и делением на специализации, я все же не смог выити из рамок обычных схем и естественным образом подпал под их влияние, хотя и признаю односторонность решающего в этом деле признака, исключительно формально-типологического в своеи основе и не учитывающего весь социальный комплекс, далеко еще не достаточно уточняемый по наличному крайне скудному материалу. По этой же причине я останавливаюсь на делении палеолита на нижний, средний и верхний, обусловленном данными четвертичнои стратиграфии.

[1] Ср. Ф. Энгельс, Роль труда в процессе очеловеченья обязьяны, Диалектика природы, Москва 1930 г., стр. 61 сл.; Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас, Роль орудия в развитии человека, Прибой 1925 г., стр. 21 сл.; Л. Нуаре, Орудие труда, Гос. изд. Укр., 1925 г., стр. 39 сл.; П. П. Сушкин, Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека, Природа № 3, 1928 г.; Вольфг. Келер, Исследование интеллекта человеко-подобных обезьян, перевод с нем., Москва 1930 г., и др.

хотя бы и предположительным данным, мы еще не имеем даже в его зародыше[1].

Период нижнего палеолита находится в очень выигрышном положении по сравнению с эолитом. Последний для археолога почти не доступен в виду отсутствия самих археологических памятников, даже в значительной степени тех из них, о которых можно было бы говорить с полною уверенностью как о несомненно бывших в использовании человека того времени. Тогда как нижний палеолит, конечно, уже дает ряд явных изделий рук человека.

Мы обычно руководствуемся случайным материалом, впервые попавшим в наши руки. Находки в каком-нибудь Шеле определяются как типичные для целой культуры, и археолог ищет по ним районы распространения шельского человека и спорит о том, к какой расе мог он принадлежать. Иначе едва-ли и может поступать палеоэтнолог. Между тем, здесь дело не в шельском человеке, а в человеке определенной стадии хозяйственной деятельности, и поскольку таковая была, с нашей точки зрения, весьма примитивною, она неминуемо совпадала в различных местах столь-же неосложненной хозяйственной жизни. И виновником этого совпадения была, конечно, не горилла, породившая неандертальскую «расу», и человек этой «породы» придал своеобразный оттенок своей культуре вовсе не потому, что был звероподобен (Хаузер)[2]. И сама эта звероподобность, приписываемая всему неандералу, в отличие от ориньякца, ловкого потомка оранг-утанга, не помешала значительной дифференциации в пределах даже нижнего палеолита, но зато принудила

[1] Все же внешняя форма орудий, при всей несложности техники обработки, достигает значительного совершенства и, с этой стороны, делаемая разбивка на фазы может быть и нуждается в переработке, во всяком случае в уточнении, как построенная с чрезмерным преувеличением формально-сравнительного метода, не учитывающего неизбежные особенности стадиального оформления на местах. Кроме того, находки нижнего палеолита не всегда достоверны в цельности комплекса обнаруженных предметов. Сам же формально-сравнительный метод неизбежно влечет за собою искусственные миграционные построения, при которых сходство формы приписывается единству творца, не сходные же формы ускользают от анализа стадиального их состояния. Исследователь, благодаря этому, переходит на преимущественное изучение статики, что не менее вредно отражается в работе палеоэтнолога. Стадиальные чередования палеолита и причины их ускользают от взора научного исследователя, обращающегося в наиболее узкого вещеведа. При таких условиях, утрачивает значительную долю своей убедительности этнографический материал, привлекаемый тоже под углом зрения формально-сравнительных сопоставлений, тогда как при стадиальном к нему подходе он явился бы одним из ценнейших дополнений к работе до-историка.

[2] O Hauser, Urmensch und Wilder (Berlin 1921), стр. 123—124. Происхождение черной расы от гориллы, желтой от оранг-утанга, и белой от общей ветви с шимпанзе и гиббоном, по работе Арльдта (1915 г.), см. Г. Осборн, Человек древнего каменного века, стр. 407—408.

целый ряд археологов смешать во-едино громадный период в сотню тысяч лет, включив сюда же и Мустье, то есть все, что оказалось в глазах исследователя расово объединенным и что, по его мнению, сразу прервалось притоком новой расы, созидательницею того, что найдено в Ориньяке[1].

Изделия нижнего палеолита, с нашей точки зрения, весьма примитивны, но таковая их оценка страдает общим нашим недостатком, заключающимся в том, что мы не в состоянии окончательно освободиться от нашего представления в своих суждениях о стадиях, весьма от нас отдаленных. На самом же деле, имевшееся здесь орудие явилось само по себе громадным достижением, и труд охотника того времени был для него не менее сложным, чем труд человека исторических эпох. Палеолит нижней стадии был в значительной доле обременен борьбою за существование. Эта борьба осложнилась еще и тем, что он, по роду своей деятельности, не дошел еще до коллективного труда и в значительной степени обслуживал сам себя, не имея избытков своего труда для обмена. Это и является основною характеризующею чертою стадии. При таких условиях охотничьей деятельности того времени не могла еще существовать тесная связь не только между обособленными коллективами, но до известной степени и внутри его самого. Следовательно, и потребности в общении не могли быть такими, какими они являются в последующих стадиальных периодах.

Длительность нижнего палеолита определяется различно и, разумеется, продолжает оставаться в значительной мере условною. Г. Осборн считает возможным принять для всего нижнего палеолита, в который он включает и Мустье, срок в 70—100 тысяч лет, то-есть гораздо более длительный, чем период времени верхнего палеолита, продолжительность которого исчисляется тем же Г. Осборном только в 16—25 тысяч лет[2].

Сама схема деления палеолита, принятая Мортилье, нуждается в уточнении и попытки такового уточнения и даже перестройки всей схемы делаются только в самое последнее время с привлечением этнографического материала, по крайней мере с эпохи Мустье. Но этнография может оказать существенную помощь лишь с подходом к ней со стороны стадиального оформления ее собственных материалов, получающих в отдельных местах свое специальное преломление, тем более, что процессы скрещения во времена палеолита и в наши дни, равно как влияния и заимствования, существенно различны. Даже для более развитых эпох, например, культур Закавказья, можно говорить о сходстве стадиального состояния заброшенного в горах современного нам аула и жителя, хотя

[1] Там же.

[2] Г. Осборн, Человек древнего каменного века, рус. перевод 1924 г., стр. 98 и др.

бы Ганджинской равнины, времен халдских завоеваний, но едва-ли кто-либо будет настаивать на полном их тождестве. Такое сравнение стадиально сходных бытований требует известной доли осторожности при научном к ним подходе с учетом действующих сил скрещения и пр. И именно благодаря такой осторожности может быть достигнута искомая цель и этнография не оторвется от археологии во всех периодах, как это наблюдается по сей день.

Кроме того, привлечение этнографического материала оказалось бы в выигрышном положении, если бы и здесь внимание обратилось также и на анализ языка так называемых первобытных народов со стороны его морфологии и словарного состава, что в сколько-нибудь достаточной степени не проделано ни лингвистами, ни тем более археологами, вообще чуждающимися языка, но ищущими себе опору в современной этнографии. При таких условиях исследовательской работы, реконструкция нижнего палеолита обосновывается главным образом на существующих музейных коллекциях. Но и они вызывают ряд сомнений как по условиям их мест находок, часто уже издавна нарушенных, так и по отбору самих предметов, далеко не достаточному по своей фиксации обстановки находок.

Одно, что можно утверждать, повидимому, с достаточным основанием, это то, что на изготовленных из камня орудиях данной стадии не заметно каких-либо следов, кроме умышленных сколов, сделанных для использования предмета по его прямому назначению, но наносились ли какие-нибудь условные знаки, хотя бы самыми простыми линиями на скалах и пр., на это едва-ли возьмется дать решающий ответ любой археолог.

Что касается структуры самой кинетической речи, то она, во всяком случае, не могла быть более развитою, чем та, о которой можно говорить в следующей стадии среднего палеолита, уже охотника в своей основной деятельности. Нерасчлененность коллектива, без каких-либо даже зародышей профессионального труда, обусловливала нерасчлененное же мышление, не нуждавшееся в сложной сигнализации. Речь, при таких условиях, могла вполне удовлетвориться наличным разнообразием телодвижений, в частности и движений самой руки. Потребности общения еще не переросли возможностей самой кинетической речи, и каждый ее сигнал продолжал оставаться диффузным, цельным в своем едином выражении, следовательно, аморфным и образным.

III. АМОРФНАЯ СТАДИЯ РЕЧИ (СТАДИЯ МЕЛКОГО ОХОТНИКА, СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ).

Тип орудия предшествующей стадии формы ручного ударника, дошедший до двусторонней обработки камня путем тех же сколов, довел собирателя до возможности нападения и самозащиты при помощи более усовершенствованных орудий типа ручного клинка эпохи мустье с характерными для него пластинами. Человек получил возможность развить охоту на мелкого зверя при помощи осложненного оружия, уже, повидимому, сочетавшего камень с деревом. Становилась доступной и охота на крупного зверя, требовавшая уже совместной деятельности, каковая вызывала потребность организованного коллективного труда, пока еще не сложившегося и переведшего, позднее, охотничьи объединения в следующую стадию верхнего палеолита.

В связи с этим, еще в мустьерский период (средний палеолит) видоизменяется как общественная структура пока еще мелких охотничьих объединений, так и потребности в средствах общения. Но, все же, резкой дифференциации труда, по всем данным, в среднем палеолите не имеется, поэтому нет еще и потребности в дифференциации средств общения в зависимости от разновидностей человеческой деятельности.

При таких условиях, жест и мимика так называемого «примитивного» охотника, конечно, не могли быть словами и тем более не могли быть фонетическими знаками, каковыми по существу являются знаки современного нам искусственного языка глухонемых. К тому же и само мышление охотника этого периода древнего каменного века продолжало быть в значительной степени образным. Поэтому, жестом передавалось не отдельное слово, а целый образ. Не требовалось еще формы общения, приуроченной к обозначению каждого предмета. Потребности в этом не ощущалось еще самим коллективом, ограниченным узкими интересами мелких охотничьих объединений и пока еще не осложненною деятельностью охотника, хотя бы иногда и нуждавшегося в совместной с другими деятельности, но все же не вылившейся в строго организованный труд с его специализациею. Сам коллектив продолжал оставаться нерасчлененным. Все же, техника изготовления орудий, несомненно, продвинулась вперед, развивая охоту и тем самым развиваясь сама. При такой новой, по сравнению с предыдущею стадиею, обстановке, возможно, что условный сигнал требовался уже не в одном его внешнем выражении движения тела, но и в условном обозначении на предмете. В таком

случае, нам придется считаться с возможностью отнесения начальной стадии письма еще к мустьерскому охотнику [1].

К сожалению, исследователи не только мустьерского периода, но и вообще всех эпох палеолита, чрезмерно углубились в изучение почти исключительно формы вещи и едва ли по наличному материалу, весьма ограниченному и собранному к тому же с преобладающим учетом музейных интересов, смогут дать тот или иной ответ на вопрос, выдвигаемый историком письма. И если письмо, в даваемом здесь нами его понимании, действительно существовало еще в среднем палеолите, то, для поисков его, особое внимание придется обратить на графические знаки, столь же условные, как условен и сам жест. Но, в соответствии с жестом, и пиктограммы наиболее подходят к передаче образа. И если уже аморфный жест мог выражаться в форме письма, то аморфный же характер пиктограммы, равным образом, в полной мере удовлетворял требованиям древнейшего «писца» палеолитических эпох.

Как общение жестом, так и пиктографическое письмо, созданы многим раньше, чем это обычно считается, и оба они сосуществовали длительный период еще не осложненных охотничьих группировок, задолго предшествовавших родовым объединениям. И поскольку жест приобретал условное значение, закрепляемое за ним сочленами коллектива, постолько же могла приобресть его и пиктограмма, обращаемая позднее в многообразные разновидности так называемых мнемонических знаков, уже осложненных в своем условном понимании, что, само по себе, является определенным достижением более развитых охотничьих объединений, прослеживаемых не археологом, а этнографом [2].

Условный знак кинетической речи, выражавший образ-фразу, не требовал еще синтетичности, так как он один представлял собою всю фразу в ее еще не расчлененном виде, следовательно, он был аморфен.

Таким образом, во фразе, в таковой ее передаче, не было еще слагаемых частей, имевших отдельное внешнее выражение и потому требо-

[1] Мустьерская эпоха, по данным находок, дает археологам основание видеть в неандертальском человеке хотя и «пещерного троглодита», но уже охотника на зверя при помощи не одних только ловушек, но и посредством метательного орудия в виде каменных кругов и дисков. Даже признается, что важнейшими объектами охоты были дикие лошади, быки и олени. Погоня за крупным зверем привела к организованной охоте, каковая и перевела охотничий коллектив в следующую стадию верхнего палеолита. Палеоэтнологи, наоборот, не учитывают смен охотничьей деятельности и приписывают происшедший сдвиг внедрению новой расы. Вся восстанавливаемая обстановка жизни мустьерского человека допускает возможность наличия у него условной графики, но все же вопрос о ней для этого периода остается пока открытым, ср. Г. Обермайер, Доисторический человек, стр. 153 сл.; M. C. Burkitt, Prehistory, стр. 90—101.

[2] О мнемонических знаках пока можно говорить лишь на основании этнографических наблюдений.

вавших определения их взаимоотношений, их места во фразе, то-есть не было еще и потребности в синтаксисе. Равным образом, не нуждалась в синтетичности и та диффузная пиктограмма, которая, в своем едином облике, выражала содержание кинетического знака условною его передачею или же реалистическою передачею его содержания в рисунке. Мы, и в том и в другом случае, имеем здесь еще аморфный строй, безразлично, выражался ли он в языке жестов и мимики, или же в графике и рисунке, то-есть в том, что мы могли бы назвать пиктографическим диффузным письмом.

Единый не расчленившийся общественный строй мелкого охотника, не требовавший ни руководителей в охоте, пока не осложненной еще организованною погонею за крупным зверем, ни специализации в своей трудовой деятельности разрозненного в большинстве случаев охотника, был сам по себе в значительной мере диффузен, скрывая в себе начатки будущих делений. Поэтому не могло вполне выйти из диффузного состояния и мышление такого охотника. Равным, образом, диффузным оказывался и обслуживающий общение знак кинетической речи, оставшийся еще аморфным и образным[1].

Но само мышление вовсе не находилось в застывшем, стабильном, состоянии, и само наименование его диффузным становится, для известных периодов, весьма условным, в особенности в так называемых стадиях магического и тотемистического восприятия, когда для анализа отношения человека к определенным явлениям как природы, так и самой общественной жизни приходится предварительно выяснить в какой роли выступает магическая сила по представлению человека того времени. «С кинетической речью, говорит Н. Я. Марр, развивалось в свою очередь общественное мировоззрение, не исключая и культового или магии, не исключая представления о таинственной силе и потребности с нею общаться, ее ублажать и ее чествовать. Однако, при отсутствии звуковой речи все выявления своего отношения к неведомой силе не для забавы или непроизвольного экстаза, а в интересах намеченного про-

[1] Все же здесь требуется и некоторая осторожность в окончательных выводах. Неандерталь имел уже предпосылку для перехода в следующую стадию и, конечно, был вовсе не стабилен в течение всего периода своего существования. Наше стабильное его понимание является особенностью не самого Мустье, а нашего к нему подхода, доведенного в своей стабильности до таких нелепых выводов, как переселенческие построения, передвигающие разрозненные охотничьи коллективы на подобие крупных государственных организмов со своими Тамерланами во главе, или же, наоборот, на подобие животных стад. Мустье, как и всякий другой период, находился в процессе видоизменения и характеристика всей культуры по находкам из одного местечка остается во всяком случае чисто условною. Наш стабильный подход доведен до той степени, что мы готовы именно находки Ле Мустье понимать как цельное явление, бережно перенесенное к берегам Везеры переселившимся неандерталом.

изводства у первобытного человечества могли сводиться лишь к уподоблению себя ему, его воплощению в себе движением тела и звукоиспусканием и, неистово или уравновешенно, внесением размеренности нормирующего такта, то-есть в конечном результате дело могло сводиться неразлучно к пляске с пением и музыкой. Ясное дело, что и в этих своего рода колдованиях, независимо от технически необходимых движений наравне с прочим общим телодвижением, в частности и движением ног, руки играли и роль организующего или руководящего начала. Руки, вообще, являлись решающим моментом в новом отличном от норм животных, направлении жизни человечества»[1]. Но и в этом случае общения с магическою силою охотник даже периода среднего палеолита был еще в достаточно-диффузном состоянии нерасчлененности реального трудового акта от его сопровождающего магического действия. Последнее, по миропониманию охотника, было таким же охотничьим актом, то-есть непосредственно участвовало в самом трудовом действии. По представлению охотника, оно не было специально магическим актом и было неотъемлемым участником его охотничьего труда. В то же время, нанося на свое орудие магический знак, или сопровождая им свой акт охоты, мустьерский человек, конечно, вкладывал целое представление в свой единый условный сигнал.

Как жестом, так и пиктограммою выражалось цельное пожелание, то, что мы могли бы назвать цельною фразою. Пиктограмма палеолита, также как и его знак жестом, еще не расчленились в своем единстве передачи образного представления, они диффузны в не меньшей степени чем диффузен первичный звуковой комплекс даже в последующем периоде начальных ступеней формирования членораздельной звуковой речи. Диффузная пиктограмма представляла собою в одном изображении цельную передачу образа. Поэтому, в дальнейшем своем развитии следующей стадии, рисунок животного, на которое идут охотиться, протыкается стрелами и т. д., отвечая представлению человека того времени в реальности самого акта общения, так как, убивая изображение, он убивал тем самым и изображенное на нем существо[2]. Лишь многим позднее, в последующие периоды, означенная пиктограмма из своего диффузного состояния переходит в расчлененное пиктографическое письмо и, с другой стороны, в детализацию прежнего диффузного образа, передачею его охотничьею сценою с изображением стреляющих людей и т. д. Хронологически нам придется отнести такое разложение диффузной пиктограммы уже к периодам верхнего палеолита, переходящего на

[1] Н. Я. Марр, Яфетическая теория, стр. 89.

[2] Рисунки на памятниках верхнего палеолита, то-есть уже следующего стадиального оформления.

крупную охоту и в связи с этим укрупнявшего свои охотничьи объединения с расчленением труда по охоте, рыболовству, начинающемуся скотоводству и мотыжному земледелию[1].

Но это — уже последующая стадия организованного коллективного труда, когда на очередь выступают все новые оформления и в речи и в письме в связи с теми значительными сдвигами, которые произошли в самой общественной среде. Рассматриваемый же нами период Мустье является в значительной степени переходным моментом. Но, поскольку он получил свое характерное обособление, приходится и его выделить в особую стадию. Каждая стадия использует наследие предыдущей и содержит в себе предпосылки для перехода в следующую. Поэтому, для проведения стадиального деления требуется установление доминирующего признака. Между тем, уловить такой доминирующий признак, который точно характеризовал бы данную стадию, крайне затруднительно, тем более, что общественный строй всего среднего палеолита выявляется лишь по весьма одностороннему материалу памятников материальной культуры и по далеко не всегда убедительным сравнениям с данными этнографических наблюдений. Таким образом, выделение Мустье и примыкающих к нему культур в особую стадию продолжает оставаться в значительной степени условным.

Мустье увязывает нижний палеолита с верхним, поэтому тяготеет в обе стороны, поэтому же ряд исследователей, разделяющих весь древний каменный век только на две стадии, относят промежуточный Мустье то к верхнему, то к нижнему периоду. Но и сам так называемый период Мустье достаточно громоздок и делится на ряд фаз, то приближающих его к Ашейлю, то перекидывающих в сторону Ориньяка.

Что касается господства кинетической речи, то, по ее характеризующему признаку, поскольку можно говорить о таковом при всех сделанных выше оговорках относительно имеющихся возможностей выявления условий охотничьей деятельности этого времени, весь средний палеолит должен стоять еще гораздо ближе к предшествующему аморфно-образному строю предыдущей стадии, являясь и сам по существу своему таким же.

[1] Когда охота на крупного зверя привела к организованному коллективному труду, а начатки специализации обострили их расчленения, то явное оформление этого произвело стадиальный сдвиг. Если бы не было соответствующих предпосылок, не было бы и самого сдвига. Вопрос о стадиальных чередованиях выступает здесь на первую очередь и лишь затуманивается сторонниками переселенческих теорий. С другой стороны, конечно, трансформация человеческих обществ происходила далеко не одновременно в различных местах, и потому могло быть хронологическое сосуществование уже разошедшихся типов, но отсюда еще очень далеко до тех мощных миграционных волн, искусственное построение которых губит научно-исследовательскую мысль подавляющего числа специалистов даже нашего времени.

Но, поскольку средний период каменного века уже вел к переходу на организованный коллективный труд и, по всем наличным данным, уже знал охоту на крупного зверя, постолько же и имевшиеся у него средства общения должны были ощущать предстоящее расхождение их материальных средств с наростающими потребностями сношений. Весьма возможно, что именно здесь, в этот период, получилось известное уточнение средств общения с выделением доминирующей роли руки. Прежняя кинетическая речь была диффузна не только в цельности своего образного сигнала, но и в самих средствах его выражения, использовавших и мимику, и телодвижение, и выкрик. Выход из этого слитного состояния мог сделать упор на определенный орган, каковой и выделялся как основной и руководящий. Выделение руки в этом процессе оказывалось тоже своего рода разложением прежнего диффузного способа общения с его технической стороны. Таким путем мог вырабатываться тот язык жестов, возможность существования которого обусловлена чувством зрения, наиболее, как мы видели выше, развитым у человеческого существа даже по сравнению со слухом[1]. Реальность языка жестов устанавливается и этнографами. По словам Г. Шурца, «не подлежит сомнению, что сообщение жестами гораздо более обще и разнообразно у примитивных людей, чем у нас, и дело идет вовсе не только о каком-нибудь образном языке, который бы шел параллельно с звуковым подражанием словесному языку, но о более развитых формах, которые, правда, возвращают нас назад к образным представлениям. Можно говорить о «корнях» языка жестов, которые имеют разное значение смотря по своей связи»[2]. Г. Шурц допускает возможность, что с помощью этого языка велись целые разговоры. По его словам при языке жестов «положительно мыслим и шаг вперед от конкретных представлений к абстрактным»[3].

Язык жестов, если он действительно оформился в эту стадию из прежней слитной кинетической речи, дает основание к его стадиальному выделению, если и не по внутреннему содержанию сигнала, еще, возможно, только аморфному, то по технике средств общения. Во всяком случае, усиление роли одного органа по сравнению с другими уже содержало в себе зачатки последующих трансформаций. Диффузность, хотя бы и в некоторой своей части, оказывалась уже нарушаемою и вопрос будущего заключался лишь в дальнейшем процессе разложения, что и привело к оформлению новой стадии, резко отличающейся от рассматриваемой нами во всех своих проявлениях, стадии верхнего палеолита.

Верхний палеолит, хотя бы и далеко не столь длительный как нижний, изменил в течении срока своего существования, всю систему общения

[1] См. приведенную выше цитату из работы И. И. Сушкина.

[2] Г. Шурц, История первобытной культуры, II (руск. перевод), Москва 1923, стр. 525.

[3] Там же.

весьма радикальным образом. Он уже выходит из диффузного состояния как своей хозяйственной деятельности, ощущающей потребность специализации, так и общественной среды, уже расчленяющейся на резко выделяющиеся расслоения, а в связи с этим выходит из оставшихся в значительной степени диффузными прежних способов общения. Кинетическая речь, в том числе и язык жестов, перестает его удовлетворять и он ищет выхода упором на звук, продвигаясь к синтетичности. И если в графике он как бы застревает в своем достаточно для него характерном аморфно-образном письме, то, скорее всего, отстает здесь от общего хода ему присущего развития, повторяя формы по своему существу более соответствующие предыдущему стадиальному состоянию. Именно поэтому и приходится искать корни пиктографического письма не в верхнем палеолите, а в среднем.

Верхний палеолит уже оформил и углубил членораздельную речь, следовательно, если бы в нем впервые появилось письмо, то таковое должно было бы отвечать требованиям создавшей его стадии и вследствие этого должно было тоже переходить на членораздельность. Между тем, даже то письмо мадленской эпохи, на котором придется подробнее остановиться ниже, является по существу образным и в основе своей ограниченным выражением единого графически представленного сигнала, то-есть оказывается аморфно-образным, а не аморфно-синтетическим, каковым надлежало ему быть при действующем строе членораздельной речи. Таким образом, оно уже архаично для верхнего палеолита.

Известную роль в таком противоречии сыграло назначение письма, закрепившее за ним становившийся своеобразным для данной стадии характер. Но и здесь, благодаря специализации труда, оно резко продвинулось вперед, дойдя до художественного письма Мадлена, что в свою очередь оказалось возможным только в новой структуре общества, выделявшей специалистов не в одной только охотничьей деятельности. В результате происшедшего несоответствия систем письма системе речи, первое из них пошло не по линии приспособления, а в сторону детализации самого рисунка, дав образцы, в которых исследователи легко усмотрели произведения искусства, подойдя к оценке их только по их внешней форме, и упустив тем самым определяющую роль их значимости, их функционального назначения в им соответствовавшей по времени общественной среде. Все сказанное и наводит меня на мысль о зарождении письма еще в среднем палеолите с преемственным сохранением его в последующей стадии, использовавшей в данном случае перестающие ей соответствовать формы воплощения в письме образного мышления.

IV. ПЕРЕХОД ОТ АМОРФНОЙ К АМОРФНО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ СТАДИИ

СТАДИЯ КРУПНЫХ ОХОТНИЧЬИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ, ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ.

Совсем другое приходится сказать про последующую общественную структуру коллектива охотников на крупного зверя, характеризуемую выделением возрастного слоя опытных охотников — руководителей и специализациею трудовой деятельности [1]. Здесь прежнее диффузное состояние само стало уже окончательно распадаться. В связи с этим стало распадаться и диффузное мышление, конкретизуемое в зависимости от новых потребностей специализации труда, вызвавшей значительное расширение круга понятий, а потому и внешнего их обозначения. Прямым следствием этого явилось видоизменение и самих способов общения, обращавших пережиточно сохранившийся образный знак аморфной речи и письма в обозначение отдельных предметов, вызванных к жизни растущими потребностями расчленившегося общества. По мере перехода на специализованный труд самого пользующегося речью коллектива, и строй речи начал переходить в аморфно-синтетический, то есть прежний знак, передававший когда-то образ-фразу, уже обратился в слово, требующее для построения фразы соблюдения вырабатывающихся правил синтаксиса.

Расчленение диффузного знака в жесте и пиктограмме должно было повести к построению фразы из нескольких знаков, что уже нуждалось, для осознания смысла речи, в фиксации значимости каждого знака в его смысловом значении как части фразы, что достигалось условностью порядка размещения знаков, то-есть синтетичностью, и в этом случае строй речи уже являлся аморфно-синтетическим.

Таким образом, нам приходится различать аморфный строй от аморфно-синтетического. Первый из них относится к периоду образного мышления и образного способа общения еще диффузным знаком. Второй же, ближайшим образом, обусловлен в своем оформлении распадением прежнего диффузного образа, как следствие происшедшей смены в ходе социально-экономической эволюции.

Общение диффузными образами, обнимавшими собою цельные фразы, доставшись по наследству от предыдущего периода, стало уже не удовлетворять потребностям увеличивающихся крупных коллективов охотника верхнего палеолита. Выделившийся слой распорядителей кол-

[1] Ср. Токин, Очерк происхождения религиозных верований, Москва, 1930 г., Г. Эильдерман, Первобытный коммунизм и первобытная религия, 1923 г.

лектива, неизбежный при новом оформлении коллективного труда, и выделение специализации внутри самого охотничьего объединения по отдельным формирующимся профессиям разновидностей охоты, рыболовства, мотыжной обработки земли, изготовления осложненных орудий и пр. повели к прикреплению условных знаков на обозначение отдельных предметов, осознанных как следствие дифференциации труда[1]. В связи с этим должен был, как указывалось выше, распасться и прежний диффузный образ. Поэтому распался на составные части и прежний образный знак, выделивший ряд семантических звеньев и потому потребовавший взамен себя ряд знаков, концентрировавшихся на обозначении отдельных предметов и могущих теперь лишь общею своею совокупностью передать то же самое содержание, каковое до того воплощалось в едином диффузном образе. Призыв к охоте, прежде выраженный единым сигналом, теперь мог уже выражаться сочетанием целого ряда отдельных знаков. Развивалась членораздельная речь.

При создавшихся новых условиях уже нельзя было ограничиться для построения фразы одним знаком и требовалось определенное сочетание их. Но прежний диффузный знак был вполне законченным, он уже заключал в себе всю фразу и потому не нуждался ни в каких функциональных частицах. Ему не нужно было ни склонения, ни спряжения. к тому же, он не был ни существительным, ни глаголом, наоборот, он был диффузен как выразитель цельного образа, цельной фразы. С расчленением же его, условность перешла на конструкцию самой фразы, выражавшейся уже не одним знаком, а набором знаков, осмысляемых как части фразы, уже предложения, по занимаемому ими в нем месту. В этом мы и должны видеть появленье синтаксиса в структуре речи, еще сохранившей аморфность[2].

В результате, аморфный строй стал синтетическим. Причина такового перехода покоится на расчленении самого охотничьего общества по возрастным группировкам и по формирующимся специализациям труда, что, в свою очередь, повело к постепенному переходу на иной способ языкового общения, на распадение прежнего диффузного же звукового комплекса на членораздельную звуковую речь. Следовательно, синтетический строй и связанный с ним синтаксис могли предшествовать выработке звуковой речи как основного способа общения. Скорее всего придется признать, что именно синтетичность уже существовав-

[1] Наличие социальной группировки внутри мадленского общества и наличие в этом же периоде разделения труда признается и Г. Обермайером, см. его Доисторический человек, стр. 233.

[2] При таких условиях, мы имеем все данные утверждать, что синтаксис появился еще до перехода на звуковую речь. Он же, очевидно, и послужил одним из поводов к таковому переходу.

шей кинетической речи дала упор на преимущественное использование более ей подходящей звуковой речи, которая, благодаря присущей ей особенности, обеспечила возможность перехода на агглютинацию, вовсе отодвинувшую на задний план не приспособленную к ней речь жестов и мимики[1]. Кинетическая речь могла сосуществовать при синтетическом строе звукового языка, но неминуемо оказалась обреченною на вымирание при агглютинативном строе, созданном большею приспособленностью звука к новым потребностям общения уже последующих за палеолитом периодов жизни человеческого общества, переходившего на новые формации родового строя.

Если же оформление членораздельной звуковой речи приурочивается уже к существующему аморфно-синтетическому способу общения жестом, и если образная кинетическая речь аморфного строя не могла более удовлетворять потребностям изменившейся структуры охотничьего коллектива, переходившего на группировки в связи с дифференциацией труда, то и само появление членораздельного звукового комплекса обусловлено усиливающеюся необходимостью его конкретизации приурочением к обозначению отдельного предмета. В противном случае, не было бы и самой потребности к переходу на использование членораздельного комплекса звуков. А так как последний приурочивается к эпохе верхнего палеолита, как ею вызванный к жизни, то и сам этот период приходится отнести уже к аморфно-синтетической стадии, обусловленной в своем развитии требованиями организованного коллективного труда, каковой и создал этот период. Вся общественная структура верхнего палеолита нуждалась в аморфно-синтетическом строе.

Но все периоды не только верхнего палеолита, но всего так называемого древнего каменного века, представляют собою ими же обусловленный ход развития, стадиально оформляясь в новые структуры далеко не моментальными, случайными сдвигами, вызванными внедрением новой этнической массы[2]. В результате не могло не оказаться смешение форм

[1] Уже в следующей V стадии.

[2] См. М. В. Серебряков, Основные проблемы исторического материализма. Зап. Науч. Общ. Марксистов, 1928 г. № 1 (9), стр. 3 сл. Хотя М. В. Серебряков и является сторонником миграционной теории, но все же не отрицает того, что «в начале ориньякской эпохи кроманьонцы усиленно еще пользовались ручными остроконечниками, скреблами и другими мустьерскими орудиями» (стр. 10). Если даже допустить, что кроманьон, действительно, пришел на смену неандерталу, то-есть заменил его в буквальном смысле слова, как то обычно и понимается археологами, то и в этом случае нужно полагать, что он принес свою технику изготовления орудия взамен прошлой, между тем такой резкой замены мы не видим, Если же он пользовался на заре ориньякской эпохи мустьерскими изделиями, то это могло произойти только благодаря смешению пришлого с местным. Но и в таком случае кроманьон не «пришел на смену» своему предшественнику, а лишь содействовал своим приходом переходу на новую стадию, сам слившись с неандерталом

уже резко разошедшихся общественных структур, а в связи с этим и наличия пережитков, вызвавших сосуществование даже различных форм орудий. На территории хотя бы одной только Европы нельзя ожидать повсеместно одновременной смены общественных структур, и возможность столкновения между разошедшимися оформлениями человеческих объединений приходится допустить вне всякой зависимости от предполагаемого сосуществования обособившихся этнических единиц. При таких условиях, придется еще и для древнейших прослеживаемых нами времен жизни человека признать действенную силу процесса скрещения, столь ярко выявляемого палеонтологическим анализом языкового материала, доводящим до начальных ступеней формирования членораздельной звуковой речи. Более того, процесса скрещения едва ли придется отрицать даже и для периодов, предшествующих оформлению звукового способа общения при помощи языка, как органа человеческого тела.

Процесс взаимодействия между человеком и природою, хотя бы и медленно по условиям деятельности человека того времени, видоизменял человеческий труд. Изменялись и сами возможности использования естественных сил природы, вызываемые применением технических усовершенствований. Анализ именно этих взаимоотношений поможет когда-нибудь окончательно свернуть с пути узких этнологических построений, лежащих в основе всех действующих периодизаций и подчинивших себе наличный материал в его научно-исследовательской обработке. Но, если процесс развития существовавшего в каменном веке человеческого общества характеризуется определенным видом им же вырабатываемой техники изготовления орудий борьбы с природою, и именно эта техника выдвигается археологом в его классификационных таблицах, то все же новые формы орудий отнюдь не стирали окончательно с лица земли все прежние образцы. В виду этого обычно принятое деление с резкими разграничениями фаз палеолита объясняется лишь особым отношением к ним палеоэтнологов, приписывающих чередование ими устанавливаемых палеолитических эпох не переменам хозяйственного строя, обуславливающим и обусловленным развитием техники орудия, а последовательным внедрением новых рас с уже готовыми формами борьбы за существование и готовыми формами средств общения, то-есть и антропологически различных[1]. В итоге такового подхода мы получаем не

в одно новое оформление. А в таком случае мы уже не вправе новое оформление считать кроманьонским, так как в результате скрещения пришлый кроманьон перестал быть тем кроманьоном, которого исследователи в его цельном облике двигают в Европу с востока или юга.

[1] В своем увлечении переселенческою теориею Г. Осборн заставляет кроманьонов полностью уничтожить своих предшественников неандертальцев. По его словам, нет доказательств тому, чтобы даже «неандертальские женщины были пощажены и полу-

жизненный процесс, а смену ряда горизонтальных разрезов в их стабильном состоянии. От этого укоренившегося взгляда археологи с большим трудом пытаются освободиться только в самое последнее время, когда появившиеся попытки установить даже точную хронологию опрокинулись в связи с выясняющимся крайне широким распространением форм палеолитической индустрии. По той же причине неизбежно стал на очередь и вопрос о том, везде ли каждая фаза палеолита должна безукоризненно совпадать во всех своих деталях. Единственно возможным выходом из создавшегося положения представляется мне решительный отказ от расового в основе исследования признака с заменою его признаками стадиальности[1].

Подходя с этой стороны к определению места не звукового только выкрика, уже издавна существовавшего, а самой звуковой речи в общем течении трансформаций способов общения, нам придется признать особую роль в развитии языка того возрастного слоя, который выделился в связи с переходом охотничьего общества на коллективную охоту. Оформившая новое стадиальное состояние массовая охота на крупного зверя явилась не менее мощным сдвигом, чем переход простого собирателя в стадию охотничьего общества. Эта четвертая прослеживаемая стадия обусловлена новою организациею коллективного труда, который произвел ясное расчленение внутри самой общественной среды. Организованный коллективный труд требовал руководителей. Постепенно выделялся возрастный слой опытных охотников, сосредотачивавший в себе ответственность за работу и представительство интересов всего объединения. Появилась новая форма зародыша класса. С другой стороны, осложнявшаяся хозяйственная жизнь вела к дифференциации труда. Можно полагать, что известная дифференциация постепенно про-

чили разрешение остаться в стране». Работа Г. Осборн настолько понравилась нашим археологам, что в 1924 г. переведена на русский язык. См. его «Человек древнего каменного века», стр. 203, 210—212, 214.

[1] Должен оговориться: попытки отказаться от узкого формально-сравнительного метода, конечно, имеются, но далеко не в достаточном виде. Даже и теперь еще продолжается бесполезная трата времени на узкий стилистический анализ, на сравнение форм волют в различных культурах с неизменными ссылками на классический мир, на раскопки Трои и т. д. Вопрос о стадиальности почти вовсе не ставится. Между тем именно последняя поставит на свое место этнографию, связав многие формы современного быта с уже пережитыми стадиальными оформлениями. Благодаря этому, получат свой определенный подход исследовательские работы по изучению новых форм быта крупного промышленного центра и заброшенного в горах аула, живущего чуть ли не натуральным хозяйством. При современной же постановке научной работы, археолог изучает только то, что умерло, совершенно не учитывая того, что пережитая в одном месте стадия может оказаться жизнеспособною в другом и потому подлежит его исследованию, а этнограф записывает то отсталое, что еще живет, и не уходит вглубь, ограничиваясь простою регистрациею.

исходила и в миропонимании охотника, в связи с чем, прежнее слитное состояние трудового акта, включавшего в себе и магическое действо, являвшееся по существу таким же непосредственным участником трудового процесса, расчленилось, выделяя тотемизм из его прежнего диффузного состояния и ставя тотема во главу объединения. К этой стадии, скорее всего, придется отнести прослеживаемые на лингвистическом материале семантические ряды, восходящие к тотемистическим терминам, тогда как ряды с рукою в основе спустятся, в таком случае, глубже стадии верхнего палеолита, уходя в периоды предыдущих оформлений еще господствующей кинетической речи [1].

Так называемый возрастный слой, выделившийся в связи с организациею массовой охоты и обслуживающий интересы объединения как в общей жизни коллектива охотников на крупного зверя, так и в сношении с участвующим в ней тотемом, наиболее ярко отразил новые потребности и, оказавшись руководящим слоем, должен был в первую очередь к ним приноровиться. Поэтому, на долю того же возрастного слоя выпало продвижение переходной стадии к аморфно-синтетическому оформлению способов общения, а также и к оформлению членораздельной звуковой речи. Но, с другой стороны, он же и задержал выход этого видоизменения в более широкий круг сочленов своего коллектива.

В дальнейшем процессе развития общества той же самой стадии, растущие потребности начальных форм прообраза будущих профессиональных группировок постепенно перерастали создавшиеся взаимоотношения между ними и обслуживающим их интересы возрастным слоем руководителей коллектива, который продолжал удерживать в своих руках развитие способов общения, в особенности письменную речь. При создавшихся условиях трудовой деятельности оба способа общения, речь и письмо, раздвоились в их практическом применении. Последнее еще не было необходимо нарождавшим группировкам по выделяющимся специализациям, то-есть всей массе коллектива, поскольку оно использовалось почти исключительно для общения с тотемом и магическою силою, то-есть для того общения, которое в значительной своей доле удовлетворялось от лица всего коллектива его возрастными группировками, каковые только с большими оговорками можно назвать шаманами палеолитической эпохи. Они, конечно, не были еще шаманами в современном понимании этого термина. Звуковая же речь, наоборот, постепенно становилась необходимою всем сочленам данного объединения, всем участникам коллективной работы, например, охоты на мамонта, когда команд-

[1] См. работы Н. Я. Марра, указанные в «Классифицированном перечне» (Ленгр. 1926 г., изд. Науч. Исслед. Инст. Эти. и нац. культур народов Востока СССР, № 7); работы общего характера: а) период кавказской ориентации, б) период средиземноморской ориентации.

ный знак был одинаково нужен каждому и должен был быть всеми воспринят. Именно здесь кинетическая речь переставала удовлетворять, невидимая всеми охотниками в лесных преградах и пр.

Если мы обратимся к анализу систем письма с учетом зависимости их от соответствующих структур речи, то увидим, что синтетическому строю языка, не знающему еще морфологического оформления слов и прибегающему к размещению слов в определенном порядке для придания им определенной значимости во фразе, наиболее соответствует именно пиктографическое письмо, остающееся в равной мере не оформленным в своих слагаемых частях. Но это была уже не та диффузная пиктограмма-рисунок, идея которой досталась по наследству от предшествующей стадии и которая соответствовала передаче образного представления. Ее эволюционное развитие не смогло приноровить ее к новым требованиям речи.

Когда профессиональное деление труда само ощутило потребность перехода на иной способ общения, то для присущего ему уже слагавшемуся аморфно-синтетическому строю речи не подходила громоздкая и по существу еще аморфная пиктограмма типа альтамирских рисунков [1]. Хотя она и развивалась, достигнув громадных совершенств техники, но все же сама форма ее должна была слишком резко измениться, чтобы соответствовать новым заданиям. Повидимому и здесь можно усмотреть тоже своего рода специализацию: специализацию способов общения именно с тотемом, то-есть своего рода культовую речь, каковая сохранилась в руках избранного круга и которая законсервировалась благодаря этому в своем формировании создавшей ее предыдущей аморфной стадии, как это обычно и бывает с речью подобного рода. Она не приноровилась к новым изменившимся требованиям осложненного общения членов всего коллектива, уже отделявшим акт труда от магического действа, направляя последнее к формированию культа. Прежнее слитное состояние распадалось, в связи с чем пошли к разобщению и способы общения сочленов коллектива друг с другом и их же с тотемом. Прежняя единая речь теперь уже раздвоилась в своей служебной роли, и обособившийся культовый язык, по природе своей более консервативный, постепенно замыкался в ограниченном кругу лиц.

Верхний палеолит, внеся расчленение в общественную среду, стал резко отходить от предшествующего состояния мустьерских эпох, и все их достижения должны были или приноровиться к новым требованиям организованного коллективного труда с нарождающимся делением по специали-

[1] Описание этих хорошо известных изображении верхнего палеолита (эпохи Мадлен) пещер Альтамира в провинции Сантандер северной Испании имеется во многих работах, см., например, M. C. Burkitt, Prehistory, Г. Обермайер, Доисторический человек, тбл. XVIII, стр. 288.

зациям, или же пойти на вымирание [1]. Общественный строй крупных охотничьих объединений обострил взаимоотношение двух формирующихся способов общения, устной речи и письма, ведя их к новому стадиальному переходу в сторону конкретизации прежнего образного мышления. Этот период стадиального перехода наиболее остро выявился в культовой обстановке, постепенно отрывавшейся от жизненных потребностей изменявшейся среды, как тяготеющая к предшествующему состоянию, которому она удовлетворяла. То, что не совмещалось с новыми требованиями, было обречено на изживание.

Когда новые достижения способов общения при помощи голосовых органов должны были выйти наружу из сравнительно узкого круга возрастных группировок охотника, то это произошло естественным путем обогащения всего коллектива, равным образом переходившего на общение при помощи голосовых органов, но значительно медленнее продвигавшегося по этому пути в зависимости от меньших к тому потребностей рядового сочлена. Совершенно иное должно было произойти с уже выделившеюся культовою речью в ее письменных образцах развитой аморфной пиктограммы. Замкнутый в том-же узком кругу т. н. возрастной группировки, этот вид письма углубился в своей детализации реалистического изображения пиктограммы-рисунка настолько, что последняя не оказалась в состоянии отойти от единственно ей доступного образного содержания. Этого не могли сделать альтамирские изображения, которые и остались в пещерах, сохранившись до наших дней как уже немые свидетели переходной поры от аморфного к аморфно-синтетическому строю, каковому с трудом удовлетворяла не только фигурная пиктограмма мадленца, но и сама кинетическая речь [2].

Для выхода в массы, когда в том ощутилась потребность, хотя бы и в следующих стадиях, должно было существовать или другое письмо, или то же в своем начальном пункте, но пошедшее по иному оформлению, параллельно и независимо от пещерной пиктограммы-рисунка, закрепившейся в своем развитии в руках так называемого возрастного слоя. Но, если и существовало еще в верхнем палеолите другое письмо кроме упомянутой «пещерной живописи», то и оно все же удовлетворяло особым требованиям сношения вовсе не членов охотничьего объедине-

[1] Верхний палеолит обычно разделяется на три периода, ориньякский, солютренский и мадленский. Все они органически связаны, но первый из них еще тяготеет к мустье наличием форм мустьерского орудия, что подтверждается и Г. Обермайером, см. ц. с., стр. 201, последний же наиболее ярко отражает в своих изделиях расчленение труда и непосредственно граничит с Мас-д'Азил'ем, переводящим в следующую стадию неолита-металла.

[2] О начальных стадиях формирования звуковой речи см Н. Я. Марр, отдельные его работы в сборнике «По этапам развития яфетической теории», например, О происхождении языка и др.

ния только между собою. Расчленение внутри коллектива отделяло от него и тотема с магическою силою. То, что раньше было слитно, теперь уже разделялось. В связи с этим, осознающий себя член коллектива должен был идти к осознанию и общего для него тотема. Тем самым могла ощущаться и у отдельного сочлена данного, по существу еще охотничьего, объединения потребность самостоятельного сношения с магическою силою. В таком случае, «возрастный» слой руководителей, во всех способах сношения, как в устной речи, так и в письме, сосредоточивал у себя лишь руководящую роль, отнюдь не исключающую возможностей общения у остальных.

Другой вопрос, как именно общался с магическою силою рядовой сочлен коллектива, то-есть устною ли только речью или же и письмом. И если последнее в виде реалистической пиктограммы, хотя бы и наносимой не на стены пещер, а на подвижной предмет, было все же слишком сложно для общего широкого использования, то, с другой стороны, каждый охотник мог вычерчивать на предмете не реальные фигуры в их животных образцах, а чисто условные линейные знаки, весьма простые по технике нанесения и потому доступные каждому. В таком случае, мы будем иметь уже не одну, а три системы письма, две из которых, типа реалистических пиктограмм, оказались более замкнутыми по числу ими пользующихся, в отличие от последней, весьма упрощенной по своей, так сказать, естественной символизации.

Ход развития речи и письма в последних фазах палеолитических эпох рисуется мне в следующем виде: с переходом на звуковую речь в связи с значительно выросшими потребностями охотника на крупного зверя, видоизменились способы общения. Выделившийся «возрастный» слой руководителей охоты, необходимый при уже организованном коллективном труде, оказался руководителем всей жизни коллектива, нося в себе зачатки будущего классового деления. Он же, естественным образом, выделился и как представитель объединения в сношениях с тотемом. Этим, так называемым «шаманам» палеолитических времен, в строгой зависимости от бо́льшего круга имевшихся потребностей у них, чем у остальных сочленов коллектива, пришлось в значительной мере сосредоточить в своих руках дальнейший ход развития как речи, так и письма. К тому же, крупная охота, объединившая одиночного охотника в организованные отряды, тем самым привела к специализации по разновидностям труда, ставшего весьма разнообразным в своих формах как самой охоты, так и рыболовства, и тем более приручителя зверей, позднее скотовода, и мотыжного обрабатывателя земли, позднее земледельца. В связи с этим, не устраняется возможность специализации и техника-заготовителя более сложного орудия, хотя бы из того же камня, а равно техника письма, давшего прекрасно выполненные рисунки мадлена, по

своему содержанию все же пиктограммы, а вовсе еще не произведения чистого искусства [1].

Оказавшись в узком кругу так называемого возрастного слоя и не имея еще потребности в более широком употреблении, это письмо пиктограммы-рисунка совершенствовалось в тесной среде специалистов, удовлетворяя требованиям остальной массы коллектива преимущественно через упомянутый «возрастный» слой, а вовсе не непосредственно. Специализирующееся мастерство привело к развитию техники, достигшей исключительного совершенства [2]. С другой стороны, возрастное деление населения в значительной степени отстраняло остальных членов коллектива, сосредоточивая за собою связанные с охотою руководящие действия, следовательно, и наибольшее использование магической силы. Поэтому, изображения магического значения, в виде различных животных фигур, проткнутых стрелами и без них, оказались сокрытыми не столько от непогоды, сколько от обыденного взора не посвященного человека [3]. Но, поскольку эти изображения служили средством общения с магическою силою и преследовали именно эту цель, они, даже и в виде искусно выполненных рисунков мадленца, являлись по существу письменными знаками, то-есть пиктограммами, другими словами, одним из способов общения, хотя бы с тотемом и хотя бы в образе громадных фигур, изображенных на потолках пещер, видимых только при искусственном освещении [4].

В итоге приходится признать, что аморфно-синтетический строй неминуемо должен был опереться на звуковую речь, более гибкую для передачи синтетического построения, уже ставшего необходимым в осложненных сношениях разделявшегося труда. В связи с этим, кинетическая речь пошла на убыль, постепенно вытесняемая звуковою. На убыль пошла и сама пиктограмма, представленная в рисунке верхнего палеолита, равным образом не достаточно гибкая для передачи в письме нового строя речи [5].

[1] Ср. Токин, Очерк происхождения религиозных верований.

[2] См., например, Г. Обермаиер, Доисторическии человек, стр. 224 сл., 259 сл.

[3] Например, Г. Обермаиер, ук. с., рис. 164 на стр. 285 и др.

[4] Рисунками украшались всевозможные, нередко очень неудобные и недоступные места. Мы встречаем эти рисунки в узких проходах, в низких боковых нишах, куда можно пробраться лишь ползком, на гладких стенах и на сводчатых потолках и при том нередко на такои высоте, что приходится предположить о выполнении этих рисунков не иначе, как при помощи каких-либо вспомогательных приспособлений. Неоднократно возбуждался вопрос, какими средствами освещения пользовались обитатели этих пещер, украшавшие стены изображениями не только в тех частях, которые еще освещены дневным светом, но и в глубине пещер, где царит вечная ночь, см. Г. Обермайер, ук. с., стр. 276—277.

[5] Мысль, высказанная A. Lang'ом, о пиктографическом значении рисунка палеолита не была поддержана другими исследователями, выдвинувшими идею тотемизма и

Требования слагавшейся речевой системы в ее переходе на синтетичность вошли в столкновение с системою письма. И если пиктограмма-рисунок не могла в своем развитом виде подчиниться синтетичности, то, при наличии необходимости в самом письме, что свидетельствуется фактом писания пиктограмм-рисунков, тем самым должна была вызываться к жизни другая система графического выражения речи более гибкая, чем углубившийся в детализацию рисунок, и более соответствующая новой аморфно-синтетической стадии.

Здесь обращает на себя внимание то пиктографическое письмо, которое имеется еще в эпоху Мадлена и представлено не рисунком, а условными знаками. Функциональное его значение не ясно, впрочем, при подходе к нему и не делалось попыток углубления именно этого вопроса. Во всяком случае, потребность в графике ощущалась не в одних только замкнутых помещениях, даже и письмо-рисунок связано вовсе не исключительно с одними лишь пещерами, оно имеется и на отдельных движимых предметах, хотя бы на так называемых «жезлах начальников» и т. д.[1] Следовательно, и на отдельных предметах могли оказаться пиктографические условные знаки, к тому же они встречаются и в соединении с рисунком пещер[2]. Таким образом, казалось бы, что новая система письма, совершенно независимо от рисунка пещер, существовала еще в верхнем палеолите, очевидно пережив предварительно длительный период стилизации реальной пиктограммы, что и прослеживается Брейлем[3] (вторая система письма).

Это, в свою очередь, вынуждает нас видеть в верхнем палеолите не зарождение письменности, а наличие ее уже в развитом виде, идущем по различным оформлениям. Одно из них закрепилось специально для общения с магическою силою, в частности с тотемом, поэтому сохранило свой старый аморфно-образный вид и развилось в рисунок, тогда как другое подчинилось изменившейся структуре речи и, подпадая под требования синтетичности, упростилось в стилизованную пиктограмму. Последняя уже соответствовала аморфно-синтетическому строю языка и потому оказалась жизненною даже в последующих стадиях. Но, по своему характеру, она все же была в достаточной мере сложною для использо-

искусства реалистического или магического содержания. Предположения A. Lang'a могут оставаться в силе и при магическом или тотемистическом значении рисунка раз в нем усматривается сношение с тотемом посредством графического письма-рисунка, см. A. Lang, Magazine of art, V. 1882, стр. 303; ср S. Reinach, Rev. Arch., 1899, II, стр. 478; 1903, стр. 290; его же, L'Art et la Magie a propos des peintures et des gravures de l'Âge du Renne, (Anthrop. 1903), стр. 257—266.

[1] Г. Оберманер, Доисторический человек, рис. 123 на стр. 231 и др.

[2] Например, там же рис. 155 на стр. 278, рис. 157 на стр. 280, рис. 166 на стр. 289 и др.

[3] M. C. Burkitt, Prehistory, табл. XXXI—XXXIII.

вания ее широкою массою коллектива. Рядовой его сочлен мог пользоваться во всяком случае не этим стилизованным пиктографическим письмом, а своими условными знаками магического значения, наносимыми на всякого рода предметы, в частности на орудия, а может быть и на свое собственное тело для придачи надлежащей силы действия согласно существующему мировоззрению. И пока эти знаки имели целью призыв магической силы для определенного действия, они являются средством сношения, хотя бы и в том виде, каковой известен нам под именем татуировки. Мы прекрасно знаем, что письмо нередко обращается в орнамент, равным образом и подобного рода магические знаки могли со временем утратить свое назначение письма. Но отсюда вовсе не следует, что они никогда таковым и не были.

Если указанная система графики существовала в верхнем палеолите, то она будет третьею возможною системою письма. Впрочем, наличие ее не установлено дошедшим до нас материалом, но это само по себе еще ничего не значит, так как такового письма никто и не прослеживал. Следовательно, вопрос о пользовании магическими условными знаками в виде нарезов и пр., очевидно тоже образными по своему содержанию, то-есть заключающими в себе цельный призыв, остается открытым.

Посколько тотем еще являлся объединителем коллектива и непосредственным участником в его жизни, а магическая сила лишь направлялась к выделению культа, общение с ними могло происходить не в одних только пещерах, покрытых гравированными и красочными рисунками, но и вне их. При таких условиях, казалось бы, что в этом общении могли принимать участие не одни только руководители коллектива, пока еще шаманы не в полном смысле этого слова, а все рядовые сочлены данного объединения. Но, руководители их были наиболее ответственными лицами за успех охоты, потому на их заботе лежало своевременное привлечение тотема, то-есть на их ответственности должно было лежать и непосредственное с ним общение. Что касается остальных сочленов коллектива, то вопрос об их отношении к тотему зависит от степени осознания индивидуальности каждым из них. Если таковая была уже осознана и если охотник понимал лежащую непосредственно на нем ответственность, то и с магическою силою он должен был общаться самостоятельно, оберегая свои собственные интересы, совершенно независимо от того, заботится ли о нем еще кто-либо иной или нет.

С другой стороны, предстательствовать от лица коллектива мог отдельный слой его только после происшедшего расслоения, когда выделились в этой роли соучастники общей трудовой деятельности, в данном случае такие же охотники, и именно охотники, умудренные опытом, а вовсе не профессионалы жрецы или маги. появившиеся многим позднее, когда действительно можно говорить о магии в ее уже культовом понимании.

До этого расчленения, весь коллектив воспринимался как одно целое и противополагался лишь другому, такому же цельному коллективу, а вовсе не внутри себя. Процесс развития шел столкновением опыта сочленов коллектива, а не достижений отдельных профессий, каковые сформировались позднее, хотя бы и в том же периоде верхнего палеолита. Во внешнем проявлении могли противопоставляться тотем тотему-же, противопоставления же тотема самому коллективу или его членам в определенное время могло и не быть, так как они представляли собою одно неразрывное целое. Диффузное состояние, при таких условиях, еще не разложилось. Следовательно, магическое действие не было еще магией, находясь в составе самого производственного акта.

Отсюда придется заключить, что, при известном состоянии мышления, когда тотем не противополагался членам охотничьего объединения, не к чему было с ним и общаться. И если тогда ставились магические знаки, то и они воспринимались как трудовой акт, вернее, как орудие труда, а вовсе не как средство общения. Следовательно, эти же знаки, в то время, не были еще письмом. Одна внешность памятника ничего не дает без определения его значимости, его функции, служебной роли в современном ему общественном окружении. Без семантического подхода мы не в состоянии понять археологического памятника, хотя бы и разбирали его по всем строгим требованиям стилистического анализа. Таким образом, и здесь выступает на очередь определение значимости предмета, его семантики в данной общественной среде, то-есть его стадиальная значимость.

И если средний палеолит не провел еще расчленения магического действа от трудового акта, а его объединения держали тотема в своем собственном организме, сделав его лишь позднее родоначальником коллектива (верхний палеолит?), а затем эпонимным героем племенных формаций с его мифическим прошлым темного полузвериного происхождения, то в самом среднем палеолите, пожалуй, и не придется искать письма, в буквальном понимании этого термина, изменив поиски на прослеживание тех трудовых знаков, которые в следующей стадии верхнего палеолита обратились в магические, то-есть видоизменили функцию, став уже средством общения, то-есть графическим письмом пиктографического или условно-линейного типа. По миропониманию человека определенной стадии, магический знак мог быть трудовым актом. Человек уже дошел до осознания природы и включил в свою трудовую деятельность то, что мы называем магическим, и именно мы, а не сам охотник некоторых палеолитических стадий. Мы должны, в процессе исследовательской работы, перестроиться на миропонимание изучаемой стадии, но для этого мы должны иметь достаточные данные для выявления соответствующих представлений. Тут мы и натыкаемся на существенные

затруднения, так как в разрешении этого коренного вопроса, в целях определения общественной структуры и мышления не только среднего, но, до известной степени, и верхнего палеолита, наличный вещевой материал не дает достаточного ответа, и сама форма изготовленных орудий оказывается еще мало говорящею. Комплексность находок не везде ясна, стратиграфия в точности не установлена во всех привлекаемых случаях. Между тем, не анализ отдельного предмета, а комплексный подход может дать решающий материал. Кроме того, желательно расширить комплексность и за узкие пределы одного только вещевого творчества.

Археолог, пытающийся из вещеведа сделаться историком материальной культуры, то-есть ставящий себе задачею обратить археологический памятник в исторический источник, освещающий хозяйственную сторону жизни данной общественной среды, кидается в умозаключения и, беспомощный в своих стремлениях, пытается оживить мертвый материал призывом о содействии к этнографу. Но, этнограф, как мы уже видели выше, оказывается далеко не всегда безукоризненно надежным сотрудником. Во всяком случае далеко не все примеры из жизни «примитивных» народов можно автоматически перекинуть к палеолиту. Это ясно видно хотя бы из тех немногих картин, которые имеются в книге Г. Шурца, свидетельствующего о том, что южно-американские индейцы или негры заняты до глубокой ночи веселою болтовнею «умственное содержание и польза которой может быть ограничена в достаточной мере несколькими короткими фразами». Исследователь, на этом неудачно взятом примере и при неправильной оценке объектов изучения, принятых им за примитивных дикарей в буквальном смысле этого слова, делает вывод, что язык выполняет задачи, которым служит у общественных животных стайный шум[1]. Г. Шурц сделал к тому же диахронистический пробег, перескакивая через все промежуточные стадии, и поднялся до наших дней, «когда каждое значительное событие вызывает в людях настоятельную потребность высказаться; они не находят покоя, пока этим способом снова не восстановится чувство общности, пока в обществе не установится одного мнения»[2]. Немецкому ученому остается сделать только один шаг, чтобы признать, что и академические заседания являются стайным шумом.

Едва ли так следует использовать этнографические наблюдения, и едва ли вправе будем мы, учитывая приведенные выше особенности индейских и негритянских деревень, реконструировать мирную идиллическую сценку беседующих неандерталов или даже кроманьонов, собрав-

[1] Г. Шурц, История первобытной культуры, II (рус. перевод, Москва, 1923 г.), стр. 531.

[2] Там же.

щихся вместе, чтобы вести «знаменитые разговоры о погоде, в которых один сообщает другому в высшей степени интересные сведения о том, что сегодня идет дождик»[1]. Соображения даже подобного рода легко могут проскользнуть в исследовательские работы палеоэтнолога, не имеющего более надежного опорного пункта для построения своих выводов Мы прекрасно знаем, что целые школы археологов, например, венская Менгина, полным темпом устремились к этнографическому материалу, как к единственному спасителю, и это приветствуется. Само собою разумеется, что мы вовсе не склонны ослаблять внимание к сохранившимся первобытным народам, но с известною оговоркою, которая, в общих чертах, может сводиться к оспариванию правильности применения в данном случае самого термина «первобытный», со всеми последствиями такового оспаривания в части делаемых сопоставлений.

Я не думаю, что нахожусь в самоослеплении, считая, что яфетидолог оказывается в более выгодном положении, чем археолог-вещевед, даже пытающийся считать себя социологом. Выгодность нашего положения заключается в том, что мы, по характеру своей деятельности, не в состоянии отказаться от учета языкового материала. Между тем, язык дает вполне определенные указания и по этому поводу. Если мы не сомневаемся в правильности отнесения звуковой речи к верхнему палеолиту, то стадиально трансформирующиеся языки в своих архаизмах дожившего до нас языкового материала, путем его палеонтологического анализа, спускают нас в древнейшие периоды его развития. И когда этот материал свидетельствует о том, что множественное число древнее единственного, что противополагались не «я» и «ты», а «мы» и «вы», то приходится признать отражение в языке коллективного начала, которое позднее, расчленившись на составные части, сохранило за собою присущее ему обозначение, оказавшееся уже множественным в противоположность единственному числу индивидуализирующейся личности.

Кроме того, само понятие собственности связано с тотемом. Следовательно, звуковая речь застигает еще коллективную собственность тотемистического общества. Мало того, сам термин человек, равно как и обозначение отдельных классов, например рабов и т. д., восходят к племенным названиям, которые, в свою очередь, связаны с тотемом, так как в основе терминов различных группировок лежит тотемистическое общество, каковое и отложило свой ясный след в звуковой речи именно потому, что таковая оформилась уже в тотемистических объединениях. И если племенные названия, термины собственности и т. д. восходят к тотему, то господствующий коллективный характер тотемистического общества выявляется уже не гадательно, а на основе проверенного

[1] Ср. там же.

лингвистического материала. Например, грузинское слово gleq 'крестьянин', 'раб', долженствующее по шипящей группе при ее полногласии и оканьи звучать goloq→qoloq, возводится к племенному термину колх[1], равно как русское smer-d является сибилянтною разновидностью племенного названия i-ber с его тотемистическим оформлением по спирантной норме gwer 'волк', 'змея'[2]. Что касается множественного числа, то Н. Я. Марр устанавливает, что его формы «оказываются нормальным состоянием имен, так как еще не было представления об индивидуальном существовании в наличной общественности стадного периода. Лица не различались в речи даже тогда, когда уже появилась потребность различать их: одно и то же слово служило для выражения каждого из трех лиц. То же самое слово, обратившись в личное местоимение, долго еще носило форму множественного числа, так как восприятие единой личности было все еще чуждо господствующей общественности[3].

Звуковая речь едва-ли во всех этих примерах передала мышление эпох еще кинетического языка. Сдвиг, приведший к формированию верхнего палеолита был слишком крупен, чтобы не отразиться в той системе общения, которая при нем же и благодаря его же результатам выявила членораздельность звуковой речи. Правда, анализ языка в этих своих выводах вовсе не учитывал интересы археолога, но отсюда еще вовсе не следует, что сам археолог может спокойно продолжать строить в значительной степени висящие на воздухе графы палеолитических фаз с характеристикою их общественных и хозяйственных структур, самоуверенный в успехе своей работы, подкрепляемой ссылками на современных «дикарей» Африки и Австралии. Я далек от мысли утверждать, что языковой материал уже дал исчерпывающий по всем пунктам ответ. Он не только его не дал, но и не даст, пока лингвист останется обособленным от археолога и не будет знать, что именно может заинтересовать последнего, продолжающего чуждаться языковых свидетельств даже при своих попытках изучать эпохи, не столь разъединенные в их диахроническом разрезе как палеолит и наши дни.

Дальнейший анализ языкового материала в указанном направлении выявит отраженную в нем общественную структуру, повидимому застигнутую переходом на звуковую речь еще в начальной стадии расчленения определенной формации тотемистического общества.

[1] Н. Я. Марр, Об яфетической теории (Москва 1924), стр. 15; По этапам развития яфетической теории, (Москва—Ленинград 1926), стр. 210.

[2] Н. Я. Марр, Об яфетической теории, стр. 22; По этапам развития, стр. 212—213, 221—223 и др.

[3] Н. Я. Марр, Яфетиды (Восток, I, П-град 1922) — По этапам развития, стр. 114.

V. АМОРФНО-СИНТЕТИЧЕСКАЯ СТАДИЯ.

а) оформление стадии (период перехода на оседлую жизнь, нижний неолит).

Процесс оформления аморфно-синтетического строя ускорялся по мере прикрепления коллектива к земле в связи с начавшейся специализациею внутри общественного объединения охотника на крупного зверя[1]. Охотник стал обращать дикого зверя в домашнего, получая помощника в охоте в виде собаки и замену дичи в одомашненном животном. Охотник стал обращаться в скотовода. Он же из простого собирателя трансформировался в земледельца, обратив дикое растение в домашнее. Коренным образом изменялся строй жизни и переход к оседлости выдвигал роль женщины в матриархальном родовом строе. Прежнее магическое значение руки теперь совпало с магическим значением самой женщины, давшей идею земледельческой богини — матери. Последующее земледелие на время закрепило за женщиною ее исключительное положение в изменившейся общественной структуре.

Новые требования земледельческого быта резко изменили общественный строй. Прежний объединитель коллектива, тотем, утратил свое значение как объединитель органически внутри себя связанного охотничьего общества. Организованный коллективный труд, обусловивший существование стадии верхнего палеолита, повел к выделению группировок по разновидностям трудовой деятельности, но, поскольку последние были связаны общими интересами охоты, они еще не произвели взрыва внутри одного нераспавшегося целого, они еще не прорвали объединяющей их оболочки, под которою происходило разложение. Когда же это произошло, распался единый коллектив, утратил свое жизненное значение «возрастный» слой руководителей, не смогший обслужи-

[1] По словам Г. Обермаиера «Густота населения бесчисленного множества прежних жилищ человека (мадленской эпохи) до некоторой степени исключает возможность того, что население это жило охотою,—мы имеем здесь перед собою до известной степени как бы настоящий город мадленской эпохи, в котором, вероятно, существовали и некоторая социальная группировка и разделение труда. Часть населения, повидимому, занималась исключительно теми делами, которые требовали пребывания дома, — главным образом, различною техническою деятельностью; другая часть представляла собою партии охотников, бродивших по окрестностям и доставлявших многочисленному населению этой местности продукты своей охоты. При этом, быть может, применялась и охота загоном, состоявшая в том, что охотники старались окружить со всех сторон стадо дичи и загнать его на край крутого обрыва, откуда животные падали и разбивались на смерть». Доисторический человек, стр. 233.

вать все сформировавшиеся профессии, утратил свою роль объединителя и сам тотем.

Земледельческая культура вела общественные организации тотемистического мировоззрения к космическому [1]. Чередующиеся периоды года, необходимые к учету при земледельческом труде, выдвинули солярный культ. Солнце заступало место прежнего разрозненного тотема, различного в различных охотничьих группировках. Солнце становилось общим тотемом земледельческого труда, единым по своей функции обслуживателя земледелия и в то же время внешне многообразным в оформлениях различных объединений уже земледельческого характера.

Прежний ограниченный круг осознанных предметов, нуждавшихся каждый в особом для себя наименовании, расширялся по мере расширения растущих потребностей коллектива. Единый некогда диффузный труд собирателя и охотника, в одно и то же время убивавшего дичь и срывавшего плод, и потому объединенный в единый коллектив, имевший единого тотема, теперь уже распался, обострив народившееся еще в верхнем палеолите различие специализаций. Но, в то же время, единый коллектив охотничьего общества обусловил и множественность их. Сам труд охотника не допускал возможности объединения всего верхнего палеолита в один племенной массив. Этноса еще не было. Обособляемые антропологами типы гейдельбергского человека, неандертала, кроманьона и т. д. представляют собою вовсе не этнические составы, а физиологическое приноровление человеческого существа к потребностям определенной стадии [2]. Этнос же формировался многим позднее, когда его появление обусловила социальная предпосылка, еще далеко для этого

[1] Начало космического мировоззрения, может быть, придется отнести еще и к концу верхнего палеолита, то-есть к стадиям формирования звукового языка, когда расчленение общества по оформляющимся профессиям перевело к космическому мировосприятию взамен тотемистического оформления магического мышления

[2] Другое, широко применяемое, объяснение, сводящееся к смене рас, не выдерживает критики уже по одному тому, что смена рас в этом периоде, как она обычно понимается, обуславливает разрыв, какового на самом деле не было. Мы имеем здесь не разрыв, происшедший благодаря приходу нового населения, а трансформацию, вызванную переменами условий охотничьей деятельности. И, конечно, крайне трудно сопоставить такие заключения, как выраженные в словах Г. Обермаиера о том, что «установлением ориньякской стадии заполняется прежде всего та разъединяющая пропасть, тот пробел, который существует между древне-палеолитическим, и новейшим палеолитическим периодом,—оказывается, что эти два периода стоят в теснейшей органической внутренней связи между собою», и, с другой стороны, такими утверждениями, как вложенные в слова Кюна «der Neandertaler, der Mensch des Moustérien, kannte noch keine Kunst, sie erscheint erst mit dem Menschen, der im Beginn des Aurignacien den Neandertaler verdrangt und der sich mit seiner anders gearteten Industrie, mit seiner hoheren Kultur, Europas bemachtigt». H. Kuhn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas (Berlin-Leipzig, 1929), стр. 28; Г. Обермаиер, Доисторический человек, стр. 201.

не достаточная даже при выходе человека из состояния каменных веков, дробивших охотничьи объединения по признаку интересов хозяйственной деятельности, а вовсе не по признакам родовых группировок.

Именно поэтому лишь палеоэтнологический подход оказался способен прослеживать переселения времен каменного века, совершенно не считаясь с реальною возможностью согласованного передвижения разрозненных и органически между собою не связанных, к тому же сравнительно небольших, группировок даже охотника на крупного зверя, не говоря уже про мелкого охотника и собирателя. И если ледниковый период заставлял отступать в более подходящие места жительства, то и тут человек все же оказывался в достаточной мере социальным существом, чтобы сделать недопустимым сравнение его переселений с передвижениями леммингов [1].

При обособленности отдельных коллективов мы получаем многочисленность их и в связи с этим многочисленность самих тотемов. Объединение коллективов на почве общности хозяйственных интересов вело к скрещению их, в результате какового получилось и скрещение тотемов, давшее своего рода тотемистический пантеон. Когда оформился солярный культ, то новое начало вступило в борьбу со старым, и солнце, как божество света, заставило тотемов отступить в мрак, в ту преисподнюю, куда уходит само солнце, чтобы на следующий день возродиться по другую сторону видимой земли. В эту стадию упираются своими начальными звеньями многочисленные семантические ряды языкового материала в своих антиподах света и мрака и в своем подавляющем оттенении солнца и вообще неба [2]. Конкретизация понятий значительно усилилась и еще более усилился упор на слово, прикрепляемое к обозначению предмета, выдвинутого характером мировоззрения, обусловленного хозяйственною деятельностью новых общественных структур. Поскольку в новой стадии оформилось народившееся в предыдущей расчленение труда, и строй языка, соответствуя изменившимся условиям общения, закрепился за аморфностью и синтетичностью.

Смена хозяйства на оседавшее земледелие произвело грандиозный сдвиг, прямым последствием которого оказалось и видоизменение прежнего художественного письма. Процесс трансформации только затуманивается палеоэтнологом, традиционно поспешившим и на этот раз

[1] См. предыдущее примечание. На основе переселений объясняются подавляющим большинством исследователей все отмеченные смены внутри палеолитических эпох. См. например, Г. Осборн, Человек древнего каменного века (переселения из Африки и Азии); G. Wilke, Kulturbeziehungen zwischen Indien, Orient und Europa. Mannus № 10, 1923 (центр в Европе, откуда и идут переселения на Восток). См. мои, О доисторическом переселении народов (Вест. Ком. Акад. № 29 (5), 1928 г.) и Палеоэтнология и homo sapiens, (Изв. ГАИМК. VI, вып. 7).

[2] См. статьи Н. Я Марра в ДАН за 1928 и 1929 гг.

двинуть в Европу новую этническую массу, расчитывая тем самым сразу разрешить один из сложнейших вопросов стадиальных чередований[1]. Между тем, обнаруживаемый формально-сравнительным методом разрыв между двумя обособившимися оформлениями не получает своего объяснения на почве миграционных толкований, так как смена основывается на коренной ломке условий бытования с переходом человека на оседлую жизнь[2]. Переселенческая теория не в состоянии разрешить вопросов стадиальных переходов, для уяснения которых нам придется установить хотя бы основные причины происходящих смен и в этих целях сопоставлять разошедшиеся в своем оформлении последовательно чередующиеся периоды, а в связи с ними и чередующиеся системы общения как устною речью, так и письмом[3].

[1] По словам Г. Осборна «одним из наиболее удивительных событий : онца палеолитической эпохи было, несомненно, новое вторжение в западную Европу двух рас, обладавших относительно высоким развитием мозга; они передвигались с востока с обширного материка Евразии, по одной или нескольким большим переселенческим дорогам, давно привыкли думать, что эти новые вторжения рас в Европу с юга и востока начались только в неолитическую эпоху» (Человек древнего каменного века, стр. 356). О переселении народа с земледельческою культурою из Азии в Европу см. у М. В. Серебрякова, и. с ; подробнее у меня в статье, Палеоэтнология и homo sapiens, там же и литература.

[2] Значительное оседание человека еще в верхнем палеолите отмечает и Г. Обермайер (Доисторический человек, стр. 200, 233). Таким образом, предпосылка к переходу на оседлую жизнь и в связи с этим к переходу на земледелие уже имелась задолго до предполагаемого внедрения иноземных рас.

[3] Во избежание недоразумений спешу раз навсегда оговориться: ни один яфетидолог, в том числе конечно и я, не отрицает отдельных переселении и тем более тех из них, которые исторически зафиксированы, но, во-первых, объяснение всех смен только внедреннем новых рас сбивает исследователя на неверный путь, заставляя его видеть переселения везде, следовательно, и там, где их не было; во-вторых, социальная структура палеолитических объединении человека, в значительнои степени разрозненных, не допускает возможности организованных миграций; в-третьих, переселения в эти эпохи могли быть лишь крайне длительными с продолжительными остановками по пути движения, как это и признается всеми; следовательно, переселяющийся массив должен был многократно изменяться и во всяком случае дошел до конечного пункта своего движения совсем не в том виде, в каком вышел, и не мог в цельном виде донести формы своей культуры, вынесенные из исходного пункта. При таких условиях, формально-сравнительный метод, сличающий находки из крайних пунктов переселенческого движения, утрачивает свое решающее значение. В-четвертых, переселение само по себе является лишь поводом для сдвига в новое стадиальное состояние, образуя путем скрещения с местным населением новую формацию. Таким образом, и при несомненном наличии переселения, все же упор должен делаться на исследование стадиальной смены, одною из причин которой могло явиться внедрение нового народа, но вовсе не единственною причиною, при изучении же стадиальных смен необходимо учесть все наличные поводы, а не один какой-либо из них. К тому же, в-пятых, вторжение извне нередко дает лишь повод ко взрыву внутри, уже назревшему, но искусственно сдерживаемому. В последнем случае даже завоевание даст только толчок к переходу.

Когда потребность в общении не только языком, но и письмом, реально ощутилась более широкими слоями массы, уже оседавшей и нуждавшейся в увеличенном общении по мере закрепления специализации труда за образующимися новыми хозяйственными группировками, то прежнее письмо, слишком сложное в своих альтамирских образцах, выродилось. Оно выродилось также как к вырождению пошел и сам державший его в руках «возрастный» слой предшествующего стадиального состояния, заменяемый иными соотношениями членов уже не всего коллектива в целом, а его профессиональных ячеек, выдвинувших взамен возрастного слоя иные общественные группировки. Становясь достоянием большего круга членов данного объединения, это старое еще диффузное по своему содержанию пиктографическое письмо стало до некоторой степени утрачивать свое прежнее почти исключительное содержание письма магического значения, когда то настолько сильного, что следы его сохранились даже в современном нам языковом материале, связавшем, как мы видели выше, такие понятия как письмо, печать, рисунок, образ, святыню и тотема. Такое отложение в языковом материале представляется вполне естественным, когда мы проследим весь ход чередований, так как рисунок палеолита представляет собою ни что иное как письмо, при том использованное тесным кругом охотников-руководителей в их сношениях с магическою силою и с тотемом своего коллектива. Наоборот, если бы этого не было в действительности, то мы не могли бы иметь отмеченного Н. Я. Марром семантического ряда[1].

Диффузное пиктографическое письмо верхнего палеолита выродилось, если можно так выразиться, в пиктографическую скоропись, появление каковой на той же территории западной Европы в формах мас-д'азильских знаков и затем альвауского письма обязано коренной смене хозяйственного строя уже земледельческого населения с ему присущим оформлением мышления, а вовсе не предполагаемому внедрению взамен талантливого художника мадленской эпохи бесталанного в этом отношении неолита[2]. Иначе трудно понять, каким образом более развитой

[1] См. выше.

[2] Находки из предгорьев Пиренеев, пещеры Мас-д'Азиль в Арьеже служат связующим звеном между верхним палеолитом и следующими веками так называемого нового каменного периода. По словам Г. Обермаиера «искусство шлифования камня, гончарное дело, земледелие и скотоводство, развитые в течение новеишего каменного века, то-есть в течение неолитического периода, еще совершенно не известно (азильскои эпохе). В данном случае мы имеем дело с таким укладом жизни, какои был характерен для палеолитического периода, идущего теперь на убыль, постепенно угасающего» (Доисторическии человек, стр. 243). Даваемая здесь характеристика переходной эпохи не подверглась существенным изменениям, хотя она в корне противоречит миграционной теории, применяемой исследователями и к этому случаю. Тот же Г. Обермаиер признает, что «люди азильскои эпохи вообще не являются прямыми потомками населения магдаленской эпохи» (ук. с., стр. 263).

в технике изготовления орудий тарденуазец оказался менее развитым в своей технике письма. Наоборот, он оказался и тут более развитым, но, вызванное переменою общественного строя, расширение способов общения продвинуло вперед и само письмо, уже не пригодное в своем предыдущем виде тщательно отделанного рисунка испанских и французских пещер. Этот рисунок, лишенный достаточной гибкости для передачи синтетического строя, более не соответствовал требованиям новой стадии и, утрачивая преимущественное магическое значение именно охотника на крупного зверя, должен был бы выйти наружу из замкнутого помещения пещер, чего он, по аморфно-образному своему характеру, сделать не мог, так как вне этих пещер уже господствовал синтетический строй, нуждавшийся не в образе-фразе, а в построении фразы из отдельных сигналов-слов в их уже более конкретном семантическом прикреплении к обозначению обособившихся понятий и предметов.

Подобного рода кажущееся падение культуры наблюдается не только на примере письма, и именно поэтому я позволю себе настаивать на приведенном выше моем объяснении. Такое падение одного слагаемого в общем комплексе продвигающегося вперед культурного целого можно проследить почти во всех видах производства. хотя бы на примере с керамикою Глиняные изделия достигают определенного совершенства еще в так называемые архаические периоды исторических эпох, но они же в последующих стадиях меняются, достаточно резко выявляя все признаки упадка. Впрочем, этот упадок керамического производства объясняется вовсе не понижением общего культ ного овня, а п ичинами совершенно иного порядка. Керамические изделия становятся продуктом широкого оборота, тогда как верхние слои населения переходят на использование в тех же целях изделий из другого материа . Равным образом, железо, в начале редкий металл, служивший для изготовления предметов украшения, предмет роскоши в погребениях бронзового века, входит постепенно в обыденный обиход и характеризует собою целую археологическую стадию, продвинувшуюся вперед по пути развития, но обратившую железо в материал общего использования.

В связи с этим, нельзя на одном только формально-сравнительном анализе отдельно взятых форм строить характеризующие выводы о культурных сменах, разрывая эпоху предполагаемого зарождения искусства от сменившей ее стадии, где таковых образцов «искусства» уже не оказалось. Нужно учесть функцию наблюдаемого явления в использующей его общественной среде и ее же в последующей. Только таким путем мы избегнем явно неправильных суждений и неправильных реконструкций чередующихся смен, всегда с их этническим определителем в основе.

По словам Обермайера «в азильскую эпоху уже вовсе нет более художественных изображений, несмотря на то, что в слоях магдаленского

периода, располагающихся под слоями азильскими, мы встречаем в классическом местонахождении, именно в пещере Мас-д'Азиль, замечательное богатство произведений искусства»[1]. Правильно отмеченный факт чередования культурных наслоений, против которого спорить не приходится, привел к совершенно произвольному выводу о том, что «по всем вероятностям, люди азильской эпохи вообще не являются прямыми потомками населения мадленского периода»[2].

Мастера, изготовлявшие рисунки, найденные в классических местонахождениях мадлена вовсе не преследовали целей чистого искусства. Они были по своим заданиям более писцами, чем художниками, и в их произведениях следует скорее всего видеть художественную обработку письма, чем художественное произведение в буквальном его понимании. Раз исследователи, в том числе и сам Обермайер, признают за рисунком верхнего палеолита магическое значение, то они тем самым должны были бы признать основною целью такого произведения связаться с магическою силою, то-есть войти с нею в сношение[3]. Избранным способом сношения оказался, на этот раз, рисунок, следовательно им выражен во внешнем оформлении один из способов общения, в данном случае графический, то-есть письмо. В результате оказывается, что рисунок совпал с письмом не в одном только лексическом запасе привлеченных Н. Я. Марром[4] языков.

Если здесь и имеется зарождение искусства, то совсем не в том его понимании, каковое вложено в недавно вышедшем труде Кюна, который полагает, что „in dieser Zeit (Magdalénien) gab es Schulen, die die Kunst pflegten“[5], и что „die Kunst dieser Epoche ist die erste Kunstgestaltung auf dieser Erde“[6].

Искусствоведческий подход захватил исследователя и увлек его к поискам культурного народа, носившего в себе зачатки искусства еще в те отдаленные времена, когда он будто бы жил в Африке. Поэтому искусство и зародилось, по его словам, только на севере Африки и на западе Европы, настоящая же подоснова изучаемых Кюном форм осталась, благодаря примененному им подходу, не уловленною[7].

Исследователю не удалось выяснить характер разбираемых им форм, и, признав в палеолите за чистое искусство то, что таковым еще не явля-

[1] Доисторический человек, стр. 263.

[2] Там же.

[3] Г. Обермайер, ук. с., стр. 257, 290 сл.

[4] См. выше, где приведены примеры из работы Н. Я. Марра, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'.

[5] H. Kuhn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas (Berlin-Leipzig 1929), стр, 289.

[6] H. Kuhn, ук. с., стр. 256.

[7] H, Kühn, ук. с., стр. 216 и сл.

лось по своему существу и по своему назначению, Кюну пришлось найденное им в верхнем палеолите искусство погрести в этом же, казавшемся ему оторванном, отрезке времени. Выяснилось, что сменившая мадлен эпоха Мас-д'азиля не знала подобных произведений искусства. Кюн хотел спасти положение, резко выдвинув расовое происхождение искусства, с нашей же точки зрения он только затуманил этим разрешение искусствоведческого вопроса[1].

Что касается прослеживаемого развития письма на западе в рассматриваемой нами стадии по наличному фактическому материалу, то шедший процесс трансформации систем письма верхнего палеолита дал то своеобразное письмо, значение какового продолжает до сих пор оставаться еще окончательно не выясненным. Во всяком случае, при всей неясности содержания, нет все же достаточных данных для сомнения в письменном характере знаков, обнаруженных раскопками в нескольких местах, наиболее ярко в Мас-д'Азиле и пещерах Де-ла-Крузад[2].

Хотя анализ этих знаков не может еще считаться проведенным, но все таки уже одного внешнего их вида достаточно, чтобы отказаться от необходимости усматривать во всех них одно только счетное обозначение. Это, во всяком случае, вовсе не одни только знаки счета, вовсе не своеобразные бирки. Напротив, при более подробном их рассмотрении, легко признать, что многие из имеющихся в них фигур напоминают даже пиктограммы, представляя солнце в виде зубчатого кружка, окаймленного зубчатым же венцом, фигуру креста, схему напоминающую рисунок глаза и т. д. Имеются изображения змеевидных набросков, веточного рисунка и пр.[3].

Можно было бы признать в Мас-д'Азиле даже чистое пиктографическое письмо, если бы присутствие тут же нескольких образцов совершенно утративших пиктографическое изображение и очень напо минающих собою чуть ли не отдельные начертания букв, не затруднило бы отнесение этих находок к числу еще не трансформировавшихся пиктограмм. При всех высказанных колебаниях, следовало бы скорее всего усмотреть в Мас-д'Азиле идеографическое написание, сопоставляемое к тому же без особых натяжек с позднейшим письмом Альвао, переходящим, по всей вероятности в слоговое[4].

[1] Die Kunst beginnt mit dem Aurignacien.... mit der Rasse von Cro-Magnon. Kuhn, ук. с., стр. 216.

[2] M. C. Burkitt, Prehistory, стр. 142-156; Г. Обермайер, ук. с., стр. 247 сл.

[3] См. G. Wilke, Sudwesteuropaische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient (Mannus № 7, 1912), стр. 64 и др. Там же приведена и литература.

[4] G. Wilke, ук. с., стр. 65, рис. 50.

Все же, с другой стороны, почва если и не для сближения, то для сопоставления азильских знаков с пиктограммами, несомненно, имеется налицо[1].

Преемственная связь между Мас-д'азильским письмом и упомянутым выше палеолитическим прослеживается еще и в следующем: идеограмма запада выявилась в этих своеобразных памятниках, сохранив красочный рисунок, то-есть технику написания красками, хорошо известную еще по пещерам Альтамира. Там красками изображались животные в их громадных размерах мадленских пиктограмм, здесь же, в Мас-д'Азиле и Де-ла-Крузаде та же пиктограмма дошла после ряда пережитых трансформаций уже, повидимому, в форме идеографического знака, но выполнена тою же техникою нанесения краски на твердом предмете, хотя и давая фигуру, далеко отошедшую от реалистического изображения.

В Альтамире мы имеем письмо уже оседавшего коллектива охотника на крупного зверя, цель письма подобного рода заключалась в обслуживании общения с тотемом и магическою силою, поэтому письмо не нуждалось в передвижении, оно было стабильно, поскольку сами охотничьи объединения уже пользовались стоянками, в виду чего крупного размера фигуры животных краскою наносились на стены пещер[2].

Между тем, обитатель азильского периода, вполне возможно уже земледелец, нуждался в более усиленном общении, и круг таких лиц значительно увеличился даже в потребностях общения с создаваемыми

[1] E. Piette, Les galets colorés du Mas-d'Azil (Anthrop. 1896, VII), стр. 385 и сл. H. Breuil, Exemples de figures dégénerees et stylisées à l'epoque du Renne (XIII Congr. d'anthrop. et d'archéol. prehist. Session de Monaco, 1906), стр. 5 и сл.; M. C. Burkitt, ук. с., тбл. XXXI — XXXIII.

[2] Г. Обермайер характеризует человека новейшего палеолитического периода (т. е. верхнего палеолита) следующим образом: этот человек «оставался, как и перед тем, на стадии охотника-кочевника: лишь в областях с особенно благоприятными условиями, например, в долине Везеры в Дордони, мы наблюдаем, что он вел относительно оседлый образ жизни» (ук. с., стр. 200). В другом месте той же работы (стр. 233) Г. Обермайер еще ярче оттеняет переходный период к оседлой жизни; по его словам «мы имеем перед собою до известной степени как бы настоящий город магдаленской эпохи», город настолько развитой, что в нем существовали и некоторые социальные группировки и разделение труда. Пиктографический характер рисунка, как выражение определенного образца в едином графическом построении, подтверждается помимо желания самого Г. Обермайера, хотя бы его утверждением о том, что в своей основе рисунок имеет единичное изображение, каковое нередко развивается в сложный рисунок лишь благодаря позднейшим, независимым от основного, дополнениям сюжета, «можно считать за правило, говорит Г. Обермаиер, что четвертичные изображения животных представляют собою единичные изображения. Нередко, однако, рисовальщик пользовался одною и тою же костяною и каменною пластинкой и изображал на ней два, три раза подряд различные наброски... Таким образом, получалась запутанная масса линий, которые трудно разобрать» (ук. с., стр. 266).

их миропониманием существами неестественного порядка. В соответствии с этим и письмо азильского обитателя не могло оставаться прикрепленным к одному определенному месту, несмотря на то, что само население сделалось уже менее подвижным.

Если письмена на гальке и сохранили магический характер, возможность чего отнюдь не отрицается, то все же круг лиц, пользовавшихся этими письменами даже в их более тщательной изготовке чем простые линейные магические знаки, был совсем не тот и во всяком случае не столь ограниченной среды, как прежний «возрастный» слой руководителей, в указанное время уже не имевший более данных для существования. В связи с этим, письмо уменьшилось в размере, переродилось в идеограмму и нанесено краскою на подвижном предмете, на гальке. Оказывается, что при таких условиях, использователь письма сделался более оседлым, само же письмо, наоборот, более подвижным. Но все же, это — вовсе не новое изобретение, а только приспособление, вызванное изменившимися условиями хозяйственной структуры современного ему человека. Мас-д'Азиль представляет собой новое стадиальное оформление, и это его определение остается в полной силе даже в том случае, если бы, вопреки нашим ожиданиям, Пьетт оказался прав в своем предположении о том, что пещера Мас-д'Азиля является как бы огромною школою, где учились и учили чтению, письму, счету и символам религиозного культа[1].

Все равно, это не изменит наших определений стадиальности данного оформления. Видеть же в азильской гальке, как это делают некоторые исследователи, только зачаток письменности столь же мало обосновано, как и упомянутые выше попытки видеть начало искусства в мадленских пещерах [2].

К тому же галечное письмо северных Пиренеев тяготеет вовсе не к альтамирскому рисунку, который в своем образном содержании не мог соответствовать синтетическому строю речи. Этот рисунок остался в пещерах, но он сам появился вовсе не сразу в том виде, в каковом запечатлен на их стенах. В этом своем оформлении он продвинулся по исключительно его обуславливающим причинам, на что и приходилось

[1] E. Piette, Hiatus et lacune. Vestiges de la période de transition dans la grotte du Mas d'Azil (Bull. de la Soc. d'Anthrop., Paris 1895, VI), стр. 235-267; E. Piette, Les galets coloriés du Mas d'Azil (Anthrop, 1896, VII), стр. 385 и др. G. Wilke, Sudwesteuropaische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient (Mannus № 7, 1912), стр. 64, где указана и литература.

[2] Г. Осборн, Человек древнего каменного века (Лгр. 1924 г.), стр. 360 сл.; см. утверждения Г. Вильке: «So erscheint es mir unzweifelhaft, dass wir es hier mit ausgesprochen konventionellen Zeichen, also den ersten Anfangen einer wirklichen, wenn auch noch so primitiven und rudimentaren Schrift zu tun haben», (Sudwesteuropaische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient, Mannus № 7, 1912), стр. 65.

уже указывать выше. Он перерос своими размерами фактическую возможность его использования в следующей за верхним палеолитом стадии. Но, он сам развился до всем хорошо известных его очертаний, приняв вид «живописи», пройдя предварительно целый ряд трансформаций. И едва ли кто-либо теперь возьмется доказывать, что его идея возникла случайно в голове художника. Формы этого рисунка создались благодаря тому назначению, которое выполнялось им по заданиям общественной среды. Конец пещерного рисунка обусловлен концом самого задания, начало же его лежит в использовании предыдущих форм, далеко не столь совершенных с их художественной стороны. И, конечно, нельзя ожидать от этих начальных форм, чтобы они пошли только по одному пути своего развития. По крайней мере, мы знаем, что другой способ сношения, устная речь, именно в эти периоды оказалась далеко не однообразною в своем внешнем проявлении.

Определенная предпосылка к трансформации прежнего письма в так называемую азильскую систему имелась еще и в самом верхнем палеолите, где, как указывалось выше, мы не вправе отстаивать наличие лишь одного вида графики, столь ярко выявленной в пещерном рисунке. По всем данным даже наличного археологического материала явствует, что и сам период верхнего палеолита знал иные системы писания, в частности пиктографическую в ее другой разновидности рисунков, помещаемых на подвижных предметах, вплоть до костяных изделий включительно. Таким образом, азильские письмена имели примеры для использования еще в предыдущем стадиальном состоянии. Новшеством в этом отношении будет скорее лишь то, что письмо переходного периода к неолиту оказалось в свою очередь переходным от пиктограммы к идеограмме. Впрочем, даже и это стоит под некоторым сомнением, если привлечь к сравнению находки Rochbertier, Gourdan, Lacave, Combe Cullier и самого Madelaine [1].

б) Переход от аморфно-синтетической стадии к агглютинативной (объединения эпох ранних культур металла).

По словам Н. Я. Марра, история материальной культуры, собственно ее памятники древности, в значительной степени выдвинули генетический вопрос о книге и письме, открывая совершенно новые перспективы для трактовки происхождения интересующих нас терминов. Н. Я. Марр утверждает, что неолитические находки с совершенно бесспорными письменами окончательно устраняют не только мысль о посредничестве финикийского письма и о зависимости от него греческого

[1] Ср., например, Armand Vire, Grotte préhistorique de Lacave (Anthrop., XVI 1905), рис. 16; его же, La Crozzo de Gentillo, (там же, XIX, 1908), стр. 419 сл. и др

или иных того же круга алфавитов, но и вообще о каком-либо прямом ввозе, хотя бы восточном, европейского письма [1].

Несколько иного мнения придерживаются Wilke, Lichtenberg и Piette, воскресившие теорию Estacio da Veiga об изобретении письма на западе Средиземноморья [2].

Кажущееся схождение выводов, учитывающих к тому же и глубину разреза исторического процесса развития письма, начиная с палеолита, обрывается в конечных итогах, свернувших и на этот раз на узкий путь поисков культурного народа и культурных центров. Таковым центром взамен Финикии признается запад Средиземноморья с подчинением ему последующего хода развития. Росток, давший ветки, перенесен с восточного берега Средиземноморья на западный, только и всего. Никаких попыток стадиальной постановки исследовательской работы, конечно, не имеется. По выводам упомянутых ученых письмо зародилось еще в палеолите, и финикияне использовали его при выработке своего алфавита. Таким образом выходит, что на западе оказался народ, способный к изобретению пиктографического письма, а на востоке оказался другой народ, способный к переделке пиктограммы в фонетические знаки. Это крайне натянутое объяснение было в еще менее приемлемой форме развито S. Reinach'ом, который не отрицает существования на западе своей системы письма в эпохи неолита и раннего металла, но в то же время не находит основания не только к сопоставлению его с восточным, но и к прослеживанию преемственной связи его с позднейшим алфавитным письмом того же запада Европы [3].

Теория света с Востока восторжествовала и в этом случае, так как S. Reinach утверждает, что Средиземноморское письмо, в основе своей сходное с финикийским и возникшее совершенно от него самостоятельно, бесследно исчезло на почве Европы до появления здесь финикийских образцов, на основе которых развилось алфавитное письмо исторических эпох.

Нам представляется более обоснованным выдвижение и здесь схемы стадиальных чередований. По этой схеме и строилось все предыдущее мое изложение, основанное на нижеследующем: еще в эпоху палеолита мы видим расчленение систем общения в их использовании различными слоями общественного коллектива. Первоначально, не расчлененный еще охотник сам общался и со своими сочленами и с тою магическою силою, каковая была неразлучным участником каждого его

[1] Н. Я. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'. Книга о книге, I. Лгр. 1927 г., стр. 49.

[2] См. S. Reinach, Discoveries at Glozel, Allier (The Antiquaries Journal, VII № 1, January 1927), стр. 1-5.

[3] S. Reinach, ук. с.

действия, хотя уже и осознанная им на известной ступени развития его представлений об окружающей природе [1].

Способами такого общения были недифференцированный еще выкрик, условный знак кинетической речи, получивший определенную значимость, а потому выступавший на главенствующую роль в общении, и условный же знак линейного письма (рисунок и т. д.), последний преимущественно для сношения с магическою силою, которая частично удовлетворялась и первыми двумя, то есть кинетическою речью в виде сознательно используемых сигналов и выкриками, семантически еще далеко не стабилизованными, а потому являющимися преимущественно выкриками аффекта, особенно в плясках и пр.

В последующем периоде уже расчленившегося охотничьего общества масса населения укрупненных коллективов довольствовалась тою же системою письма в виде условных линейных, так называемых магических знаков, медленно переходя на звуковую речь, тогда как выделившийся «возрастный» слой сделал упор именно на наличный звуковой комплекс, постепенно обращая его из диффузного состояния в членораздельный звуковой язык. Он же, сосредоточив за собою представительство коллектива пред тотемом, развил систему письма до художественной его обработки в рисунке. Дальнейший ход развития вел к формированию будущих родовых группировок, произведших впоследствии социальную перестройку прежних общественных взаимоотношений, сведя на нет прежний возрастный слой руководителей единого охотничьего коллектива, объединявшегося по принципу общности хозяйственных интересов. Последовавшее засим еще в верхнем палеолите выделение специализации труда нарушило эту общность. В то же время, усиление разнообразия деятельности вызвало рост сношений и обмен продуктами сво-

[1] P. Schiefferdecker, пытаясь восстановить социальную структуру мадленского человека, ставит под сомнение утверждение O. Hauser'a о наличии в этом периоде выделившихся священнослужителей. Он склоняется к мнению, что руководитель общественной единицы был в то же время и посредником с таинственною силою, дифференциация же культа и в связи с нею выделение служителей его произошло позднее: «zu dieser Zeit sind «Hauptling» und «Priester» (der «erste Anfang eines Priesters», wenn uberhaupt schon davon die Rede sein konnte) wohl sehr wahrscheinlich noch in derselben Person vereinigt gewesen, die Verhaltnisse lagen so einfach, dass das moglich war. Bei der damaligen Stufe der geistigen Entwickelung beschrankte sich das Priestertum noch auf sehr einfache und seltene Zeremonien, und das Hauptlingstum wird auch noch in seinen ersten Anfangen begriffen gewesen sein. Spater, als die Menschen sesshaft wurden und Ackerbau und Viehzucht trieben, im spateren Mesolithikum und dann im Neolithikum, wurden die Verhaltnisse ganz andere und wesentlich komplizierter, da tauchten dann auch ganz neue Ideen und Vorstellungen in Bezug auf unsichtbare und machtige Wesen, Geister, Gotter u. dgl. auf, welche einem selbstandigen Priestertume den Weg bahnten», P. Schiefferdecker, Uber den Kulturzustand der Urmenschen (Mannus № 16, 1924), стр. 31-32.

его производства, в связи с чем масса населения не могла уже довольствоваться старым способом общения и также стала переходить на членораздельную звуковую речь, заимствуя у распадавшегося «возрастного» слоя его достижения в этой области, частично известные ей и прежде, поскольку она была необходима в процессе общей коллективной работы на охоте и дома.

Просматривая этот ряд стадиальных переходов до интересующего нас сейчас момента со специальною целью яснее представить себе то состояние, в котором должен был находиться вертикальный разрез развития способов общения, доведенный до общественных объединений начальных периодов металла, мы видим, что общение устною речью и письмом оказались в данном случае далеко не равноправными в их служении осложненным заданиям новых группировок. Устная речь была насущно необходима каждому, тогда как письмо являлось слишком сложным для того, чтобы им мог бы пользоваться каждый рядовой сочлен общественной единицы, к тому же у него не было в этом и особой потребности, и если у него сохранилась еще магия, то все же он довольствовался и в этом случае простыми условными знаками магического значения и ему незачем было для той же цели обладать еще и особыми техническими познаниями, чтобы уметь изобразить сложные пиктограммы-рисунки. Рядовой член общества в них вовсе не нуждался. Поэтому достижения вымиравшего «возрастного» слоя в области художественного письма оказались уже излишними и пошли на трансформацию. Здесь совершенно напрасны поиски какого то народа, принесшего мас-д'азильскую культуру на смену мадленского «изобразительного искусства», и характерное различие напластований в классическом местонахождении, в Мас-д'Азиле, получает совершенно иное осмысление, чем то, каковое вкладывается в него Обермайером [1].

Функции самого «возрастного слоя» распадались, частично переходя к руководящим слоям, выделяемым в новом строе, частично к особым профессионалам — шаманам. К тому же и сам возрастный слой был шаманом только в одной части своей деятельности, поскольку он предстательствовал от лица коллектива пред тотемом. Теперь выделились уже особые служители тотемизма, магии и развивающихся новых культов, особые специалисты жрецы [2]. За ними надолго, даже и в исторические времена сохранилось преимущественное право писания. Но, это

[1] Доисторический человек, стр, 263.

[2] См. P. Schiefferdecker, ук. с., стр. 31—32. Немецкий исследователь примыкает к такому же мнению S. Reinach, L'art et la magie à propos des peintures et des gravures à l'âge du Renne, Anthrop., XIV, 1903, стр. 257—266. Возражения M. Verworn см. в его Zur Psychologie der primitiven Kunst, Jena 1908, стр. 45—46. Ссылки даются мною по упомянутой статье P. Schiefferdecker, стр. 31—32.

было вовсе не особенностью какого-нибудь Египта или Месопотамии, а характерною особенностью общественной структуры нового стадиального оформления. Поэтому, письмо преимущественно перед устною речью в течение целого ряда веков сохранило оттенок магического-культового далеко не в одном только Передне-Азиатском мире.

Аморфно-синтетический строй устной речи, состоящей уже не из единичного сигнала, полностью воплощавшего в себе целую фразу, а из сочетания ряда таких сигналов, которые означали каждый отдельное слово, потребовал ряд слов для обозначения одной фразы. Что касается письма, то и в нем то же самое требование не могло уже удовлетвориться единичным рисунком и, по тем же причинам, вызвало необходимость помещения подряд нескольких рисунков, равным образом закрепившихся за обозначением отдельных предметов. Они обратились тоже в слова в их письменном обозначении. Между тем, мадленский рисунок именно потому и развился в своих своеобразных формах искусно выведенных реалистических фигур, выполненных иногда краскою, что он один полностью мог передать содержание целой фразы. В нем было выражено все, потому на его детальной вырисовке останавливался писец-художник [1]. Теперь, в аморфно-синтетическом строе, такое отношение к рисунку оказывалось уже не выполнимым. Поместить подряд несколько пиктограмм типа мадленских изображений для выражения одной фразы было решительно невозможно. Художник-писец мог дойти до изображения развернутой сцены охоты, помещая ряд животных в различных их положениях, мог представить тотема в известном окружении, хотя бы и неестественном с нашей точки зрения, мог даже изобразить охотничью сцену, поместив людей с луками и пр., но перейти от развернутого сюжета, от реалистического представления образа, к синтетическому построению фигур для выражения фразы тот же писец-художник не был в состоянии, так как сам помещаемый им сигнал-рисунок обнимал целый образ и поэтому клонился в сторону изображения реальной сцены, а не в сторону его сужения до конкретного обозначения отдельного предмета.

Синтетический строй не мог использовать это образное письмо без коренного его изменения. Углубление техники, придавшее мадленским фигурам художественную форму, удивляющую современного исследователя качеством своего содержания, уже не отвечало новым потребностям общения, и содержание пиктограммы оказалось воплощенным

[1] Именно этим содержанием письменного знака объясняется дальнейшая детализация рисунка, разворачивающегося еще в Мадлене в художественный сюжет. Но, и в последнем случае, весь этот рисунок-сцена палеолитического периода представляет собою передачу единого содержания, то-есть, по существу, является как-бы развернутою пиктограммою.

в иные формы. В соответствии с этим, прежняя образная пиктограмма переродилась в пиктографический знак, семантически стабилизованный на обозначении отдельного предмета или понятия, и хотя этот знак сохранил в своей основе ту же схему рисунка, но значительно уже упрощенную, доведенную до схематизации и даже стилизации, чем была достигнута возможная легкость графического написания набора знаков, дающих построение фразы лишь в своей совокупности[1]. Прямым следствием происшедшей перемены было, между прочим, появление пиктографического письма Передней Азии и иероглифического Египта. При таких условиях, и то и другое могут быть правильно осознаны только как стадиальные оформления, и гений изобретательности народов Нила и Междуречья утрачивает искусственно приписанную им яркость.

С другой стороны, потребность в тех же письменных знаках, приурачиваемых к обозначению отдельных слов, использовала и другую существовавшую систему письма, именно линейными знаками, практиковавшимися издавна еще охотником в магических целях при своих действиях охоты и собирания[2]. Это было письмо широкого пользования, доступное каждому охотнику, призывавшему им магическую силу к участию в своем действии. Здесь, равным образом, магическая сила призывалась единым условным знаком, являвшимся в силу этого образным, отвечая по содержанию тем же развитым произведениям письма мадленской эпохи. Но, по внешнему оформлению оба они расходились до резкого контраста. Руководящий слой углубил свои рисунки в пещеры, создавая своего рода культовые места и придавая рисункам возможную тщательность[3]. Здесь сносился с тотемом весь коллектив через своих

[1] Примеры стилизации пиктографического письма см. H. Breuil, La dégénérescence de figures d'animaux en motifs ornementaux à l'époque du Renne (Comptes-Rendus de l'Acad. des Inscrip., 1905), стр. 105—120; его же, Exemples de figures dégénerées et stylisées à l'époque du Renne (Comptes-Rendus du XIII Congr. Intern. d'Anthrop. et d'Archéol. préhist., Monaco, 1906), стр. 394—403.

[2] Эпохи, предшествующие верхнему палеолиту, с этой стороны еще не обследованы и едва-ли могут быть обследованы по наличному сейчас материалу. Что же касается верхнего палеолита, то наличие в нем таких знаков стоит, по крайней мере для меня, вне всякого сомнения, см., например, в главе Das Ornament, die dekorative Kunst und die unbekannten Zeichen работы H. Kuhn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas, стр. 300 и др. Даже чисто искусствоведческий подход Кюна не отрицает для этих эпох существования каких-то «неизвестных знаков».

[3] Ср. мнение P. Schiefferdecker: «Die Idee, dass man durch ein Abbild, das man besitzt, eine gewisse Macht uber ein Wesen erlangt, ist meiner Meinung nach eine so nahe liegende, dass es nicht wundernehmen kann, wenn sie schon diesen Urmenschen gelaufig war. Wenn sie solche Bilder in ihren Hohlen anbrachten, so werden sie die Empfindung gehabt haben, dass sie dort eine Anzahl der von ihnen gewunschten Tiere vereinigt hatten, und wenn sie vor diesen Bildern irgendwelche Zeremonien auffuhrten, so werden sie des Glaubens gewesen sein, durch diese die in die Hohle gebannten Tiere und durch sie

руководителей, здесь же углублялся процесс разложения диффузного звука на членораздельную звуковую речь[1]. Там же, вне этих пещер, с тотемом сносился каждый сочлен объединения, не имевший ни умения специалиста-писца, ни избытка времени для воплощения своего призыва к магической силе в художественную форму и продолжавший в значительной степени пользоваться кинетическим знаком, как обычным для него средством общения. Линейный магический знак не мог дойти до технических совершенств другого письма, реальной пиктограммы-рисунка, использовывавшегося возрастным слоем в общении с тою же силою. В отличие от последнего, он не замкнулся в узком кругу специалистов письма.

Эти линейные магические знаки с неменьшим во всяком случае успехом удовлетворяли требованиям синтетического построения фразы в письме и с бо́льшею легкостью могли приноровиться к новым условиям общения. Можно предполагать, что именно их дальнейшее развитие легло в основу подавляющей части знаков Мас-д'Азиля, стадиально более поздних альвауского письма запада и так называемого финикийского востока. В силу этого, и в данном случае приходится признать, что единство их происхождения лежит не в едином месте изобретения той или иной системы, а в одной общей для них стадии трансформации письма от аморфного рисунка и магического знака в аморфно-синтетическое письмо пиктограммами и иероглифами, и далее уже в слоговое письмо идеограммами и линейным знаком, приведшим к фонетическому начертанию алфавитного письма уже последующих стадий.

В своем определенном, своеобразном состоянии мы находим письмо начальных периодов металла. Если можно предполагать, что в этот период слово еще сохраняло самостоятельное существование, прикрепленное к обозначению определенного предмета, то слово воспринималось в его полном виде, не расчлененное на слога. Оно оставалось цельным в своем внешнем условном выражении цельного предмета и не разлагалось на составные части, не имея никаких функциональных частиц. Потребности общения довольствовались цельными словами и необходимости в дробных частицах вспомогательного значения не наблюдалось. Сами слова, даже таких уже развитых периодов как

wieder die ubrigen draussen beeinflussen zu konnen. Da diese «Heiligtumer» oder vielleicht besser «Zauberstatten» in den Höhlen so tief innen im Dunkeln lagen, so wird es sicher beabsichtigt gewesen sein, nicht alle Mitglieder der Horde an diesen Feierlichkeiten teilnehmen zu lassen, sondern nur bestimmte, also wahrscheinlich alle diejenigen, welche als Jager in Betracht kamen, also die erwachsenen Manner», ук. с., стр. 24.

[1] Здесь, то-есть в среде опытного возрастного слоя руководителей, впрочем отчасти и в самих пещерах, поскольку в них происходили магические пляски, пение и пр. См. изображение так называемых шаманов, людей в масках, кругового танца и др., M. C. Burkitt, Prehistory, таблица у заглавного листа, тбл. XXX и др.

архаические Египет и Шумер были, судя по сохранившемуся материалу, краткими, односложными. Но если слог фактически и существовал, то лишь как полная форма слова. Следовательно, упор шел не на слог, хотя бы в реальности и имевшийся, но на слово, хотя бы и выраженное слогом. Другими словами, слога в его современном понимании как составной части слова не существовало. Совсем другое осмысление языковой структуры видим мы в последующем периоде, когда речь строилась также набором слов, но сами слова уже другим путем различались в их взаимоотношении между собою внутри фразы.

Увеличивающиеся потребности в общении приходивших в соприкосновение родовых объединений, необходимость обмена продуктами между соприкасавшимися общинами и тем более в связи с обособляющимся профессиональным трудом, вели к упрощению способов общения, делая их более доступными массам в устной их речи. Но это же, наоборот, внешне выразилось в осложнении прежней простоты построения фраз набором неоформленных слов, и, в последующей ступени языкового развития, господствовавший ранее синтетический порядок заменился перенесением оттенка роли слова во фразе на само слово. В связи с этим, постепенно вырабатывался новый способ конструкции речи, использовавший для характеристики данного слова другие слова своей же речи, могущие придать требуемый оттенок, иначе самый смысл фразы оставался бы непонятным. Выделились так называемые вспомогательные слова, присоединение которых к другим выявляло действующую роль последних во фразе. И тогда как слова росли в своем объеме, превращаясь в процессе скрещения в многосложные, вспомогательные частицы сохранялись в своей более архаичной форме односложных основ, и, таким образом, при построении фраз упор стал делаться уже на эти функциональные частицы, осмыслявшие построение фразы оттенком служебной роли каждого входящего в ее состав слова. Следовательно, упор стал делаться на те односложные слова, которые обратились в вспомогательные частицы и которые постепенно утрачивали свое самостоятельное значение когда то бывших слов. Благодаря этому упор стал делаться уже на слога. Таким путем, слово с соответствующею приставкою становилось понятным говорящему и слушающему вне зависимости от места его в разговорной речи. Языковая структура стала переходить на агглютинацию.

В письме то же видоизменение выразилось графически в таком же сочетании слов, имевших каждое свое отдельное пиктографическое обозначение. При таких условиях, поскольку сама речь строилась сочетанием слов, постолько же и письмо могло строиться сочетаниями пиктограмм. Упрощение последних, в стадии синтетического строя речи, наблюдается лишь в области графики, но не в своем содержа́нии.

Содержание пиктограммы, прикрепленной к обозначению отдельного предмета, осталось то же, но внешне она переродилась в идеограмму, принявшую более условное начертание того же самого знака-пиктограммы этого периода, то-есть преемственно восходя еще к диффузному пиктографическому изображению уже далеко отошедшего прошлого, когда та диффузная пиктограмма не означала еще отдельного слова, выражая в себе цельное образное представление. В итоге, пиктограмма-рисунок трансформировалась в условное обозначение идеограммою. Превращение идеограммы в слоговой знак произошло уже в агглютинативной стадии. То же самое произошло и с внешне более близким к пиктограмме иероглифическим письмом, улавливаемым нами по наличному материалу преимущественно в его использовании для слогового знака.

Такая трансформация письма-рисунка совпала с трансформацией другой системы письма, именно старого магического линейного знака, употреблявшегося независимо и параллельно рисунку, но в более широких кругах еще охотничьего коллектива. Можно предполагать, что именно этим путем, то-есть не от одного только рисунка, а от скрещения его с магическими знаками образовался тот тип письма, который представлен находками Мас-д'Азиля, Альвао и последующего целого ряда письмен уже слогового характера.

VI. СТАДИЯ АГГЛЮТИНАТИВНАЯ (СКОТОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, РОДОВЫЕ ОБЩИНЫ?).

Группировка по родовым общинам, столкновения между ними, приведшие к усилению обмена продуктами производства и поведшие позднее к порабощению пленных, осложнили способы общения, уже перешедшие на развитую членораздельную звуковую речь. Синтетический строй языка продолжал оформляться в агглютинативный, и процесс агглютинации в корне изменил структуру речи, выдвинув особую роль служебных частиц, наличие которых неизбежно усилило развитие звуковой речи, наиболее для этой цели пригодной в ущерб не приноровленной к тому речи жестов и мимики.

Выражать построение фраз прилепкою вспомогательных частиц к основам слов оказалось крайне сложным для кинетической речи, наиболее приспособленной к передаче образа-фразы и еще доступной для сигнализации отдельного слова. Даже в последнем случае жест и мимика представляли значительное неудобство, выходу из какового способствовал сопровождавший жест звуковой комплекс, вероятно уже начавший тесно с ним связываться как составная часть общей речи. Таким обра-

зом, уже аморфо-синтетическая стадия в дальнейшем своем развитии должна была все более и более опираться на звуковое обращение и в связи с этим вырабатывать звуковой членораздельный язык. Что же касается периода агглютинации, то именно при нем можно скорее всего усматривать вымирание кинетической речи, не отвечающей потребностям осложненного общения.

Первичное образное мышление аморфного строя делало упор на образ. В связи с этим, условный знак в устной речи и в письме выражал целую фразу. Последующий аморфно-синтетический строй делал упор уже на слово, и потому речь и письмо выражали своими условными сигналами отдельные предметы. Теперь, при агглютинативном строе, упор перешел не только на слово, но и на части его, на слога, поэтому и в письме произошло соответствующее изменение, преобразовавшее идеограмму в слоговой знак.

Такому переходу идеограммы в слоговое обозначение в значительной степени содействовало и то, что само наименование означаемых ею предметов оказалось весьма архаичным, то есть относилось еще к тому периоду словотворчества, когда скрещение основных яфетических элементов не привело еще к тому богатейшему разнообразию основ, каковое наблюдается в более поздние периоды [1]. Наименования предметов, передаваемые идеограммами, в значительной своей части даже полностью совпадали с чистыми элементами архаичных звуковых комплексов, уже вышедших из диффузного состояния, то есть не превосходили односложных основ. В виду этого, идеограммы, приуроченные к обозначению односложных слов, без особого затруднения могли быть использованы в качестве простого слогового знака, когда к тому ощутилась потребность в изменившейся структуре речи [2]. С другой стороны, агглютинативный строй, выделивший вспомогательные слова в устной речи, выделил их и в письме, создав другую особенность идеографического написания, а именно использование тех же знаков, то есть фактически тех же слов, для указания на содержание других. Внешне, в письме, это выразилось в служебном использовании некоторых идеографических знаков, получивших наименование детерминативов [3].

[1] Ср. язык Шумера и Элама.

[2] Этим объясняется односложность всего набора клинописных знаков в их уже слоговом чтении.

[3] В частности в иероглифическом письме Египта и в клинописных языках Передней Азии. Вспомогательное значение таких детерминативов, как порождения агглютинативного строя речи, подсказывает мысль о том, что в предыдущей синтетической стадии не должно было бы быть пиктограмм-детерминативов, так как аморфный синтетический строй языка не нуждался еще в резком выделении вспомогательных слов. При таких условиях, наличие вспомогательных слов в синтетическом строе языка указывает на процесс распадения его, то есть на переходный период образующейся агглютинации.

В такие слоговые знаки переродились египетские иероглифы и прежнее идеографическое письмо месопотамской клинописи, застигаемое нами уже в этом новом их использовании, в древнейшие времена все же еще в крайне смешанном виде благодаря одновременному употреблению одних и тех же самых знаков и для выражения цельных слов и в качестве слогового обозначения. Оба они, и иероглиф и клинопись, являются следующею ступенью трансформации старой пиктограммы [1].

На востоке, в Месопотамском мире и в Египте, данная стадия дала в разных местах различное внешнее выражение письменности. В одном месте, в Египте, иероглифы сохранили вышедшее из пиктограммы животное изображение, значительно упрощенное в своем начертании, но все же в достаточной мере реалистичное. По своему существу, иероглиф остался рисунком, хотя и переродившимся в своего рода скоропись и получившим слоговое чтение. В другом месте, в Шумере и Эламе, пиктограмма перешла в совершенно иного рода написание, приняв в зависимости от материала, на который она наносилась, от глины, начертание оторванными прямолинейными линиями, углубляемыми в глину и потому получившими вид клинописи, которая по сравнению с предыдущим пиктографическим письмом, оказалась тоже своего рода скорописью. Таковая, в виде идеограммы и слогового знака, прослеживается не только в Шумере и Эламе, она пережила Вавилон, Ассирию, хеттов, халдов и дожила до ахеменидской Персии. Развитие во всех известных местах запада и востока шло параллельно, как оформление одной и той же стадии. Таким образом, одна и та же стадия получила различное выражение в различных местах в зависимости от местных условий деятельности человеческих объединений, от их требований, уклонов их мировоззрения, от вырабатывавшейся на местах техники и от материала, на котором наносились знаки письма.

Следовательно, вопрос о происхождении алфавита переносится совершенно в другую плоскость. Для разрешения этого вопроса приходится обратиться к различным стадиальным его выявлениям. Делавшийся до сего времени упор на поиски народа, создавшего алфавит, не разрешит выдвинутой проблемы. В виду этого придется отказаться и от поисков единого центра его зарождения с устранением всякой возможности оформления его далеко не в одном только месте. Между тем, исследовательская мысль настойчиво вела к поискам таких центров, пытаясь таким путем разрешить генетический вопрос без учета стадиальных со-

[1] Ср., например, эламские пиктограммы и клинопись, Mémoires de la Mission Archéologique de Perse, VI, V. Scheil, Textes élamites-sémitiques, стр. 1—11; XVI, L. Legrain, Empreintes de cachets élamites, стр. 9—16, и др.

стояний и стадиальных переходов [1]. Именно в этом виде направляются основные исследования. Так, приписав финикийцам изобретение звукового алфавита и ознакомившись с находками Мас-д'Азиля, лингвисты и археологи сделали попытку связать оба места, при чем не обращено даже внимания на то, что сама находка азильской гальки далеко еще не свидетельствует о том, что только здесь имеется ее наличие, и что именно отсюда «великое изобретение» распространилось по другим местам. Наличие письменных знаков того же типа отмечено, например, и в Abri-Dufaure [2]. Кроме того, удачная находка сама по себе отнюдь еще не указывает на то, что археолог напал на «школу, где учили и учились», на своего рода академический центр [3]. К тому же, Мас-д'Азиль оказался хронологически старше, чем тот период, к которому обычно относят «изобретение» письма Финикии. Поэтому, идея единого центра вынудила Пьетта подчинить финикийское письмо азильскому и заставить финикийских мореплавателей заимствовать графические знаки у обитателей азильской эпохи [4].

Иначе и не могла идти исследовательская мысль, в корень зараженная предвзятою идеею о возможности зарождения тех или иных форм только в едином избранном месте земного шара. Дальнейшие научные споры упираются главным образом в опорочение одного центра лишь для того, чтобы на его место выдвинуть другой. В результате иногда весьма ожесточенных столкновений отдельных исследовательских течений создается научный миф, каковой опрокидывается противниками, выдвигающими взамен его новые столь же мифические построения с неизбежными рассуждениями о преимуществах избранного народа, переселяемого волею научного работника по всему материку, не стесняясь расстояниями и естественными преградами. Препятствия, выдвигаемые

[1] Выискивая творца определенной культурной формы, исследователь руководствуется предвзятым взглядом о первичном делении людей на способных к развитию и бесталанных в этом направлении. На таких предпосылках основана теория Клаача о происхождении различных рас от различных видов человекоподобных обезьян. Эти расы, уже по самой своей природе, заранее обусловлены темпом своего дальнейшего развития. Появляются ловкие подвижные расы типа кроманьона, и неуклюжие типа неандертала. Далее разворачивается исторический процесс все в том же своеобразном направлении: ловкие пришельцы избивают неуклюжего аборигена и поселяются на его месте. Так объясняется смена неандертала кроманьоном (см. Г. Осборн. ук. с.; O. Hauser, Urmensch und Wilder, и др.). Благодаря такому подходу ярко выступает на первый план миграционная теория. Ей поддалось и прослеживание истории развития письма, будто бы зародившегося в одном месте и разнесенного по другим местам всякого рода переселениями.

[2] Breuil et Dubalen, Fouilles d'un abri de Sordes (Rev. de l'École d'Anthrop., VIII, 1891), стр. 259, рис. 75.

[3] E. Piette, Les galets coloriés du Mas d'Azil (Anthrop., VII, 1896), стр. 385 и др.

[4] Ibid.; см. также Г. Обермаиер, Доисторический человек, стр. 249—250.

последними, обходятся созданием сказочных Атлантид, и весь этот легендарный эпос заполняет собою содержание своего рода научно-исследовательской стадии, не изжитой и по сей день.

Тем же путем поисков единого центра идет и Обермайер, который, впрочем, не решается умалить гениальность финикийского изобретения. Мнение Пьетта представляется ему «ужасающим анахронизмом», так как «нам прекрасно известно, что первыми предметами настоящей письменности были символические знаки в виде жезлов посланцев, шнурков с узелками» [1]. По словам Обермайера «не менее удивительно было бы и то обстоятельство, что это драгоценнейшее открытие снова исчезло в данной местности, не оставив никакого следа, так как затем лишь в римский период Галлия снова получила письменность. Таким образом, сходство знаков азильской эпохи с письменами последующих алфавитов является, несомненно, лишь случайным и внешним» [2]. Такого же мнения о полном разрыве письменности на западе, о полном исчезновении мас-д'азильских и альвауских письмен и о новом в том же месте появлении позднее алфавита финикийского типа, придерживается и S. Reinach [3]. Гений Финикии оказывается и на этот раз спасенным.

Едва ли таким путем разрешается генетический вопрос даже и в том случае, если Обермайеру прекрасно известно, что первыми предтечами «настоящей письменности» были символические знаки в виде жезлов посланцев и шнурков с узелками. Дело, конечно, не в шнурках с узелками и даже вовсе не в том, что вышедшее из них «драгоценнейшее открытие» представляет собою «настоящее письмо». Что это за «настоящая письменность»? Современный наш алфавит равным образом является только стадиальным оформлением письма, и он сам неминуемо когда-нибудь перестанет быть «настоящею письменностью», если продолжится тот же исследовательский подход, считающий «настоящим» не то, что соответствует определенному стадиальному состоянию, а только то, что находится в руках «носителей цивилизации» наших веков и потому является будто бы верхом совершенства.

Так называемые мас-д' азильские и альвауские письмена, давшие широкую возможность целому ряду сопоставлений, включая сюда критское письмо и египетское, кипрское, иберское, архаическое греческое, архаическое финикийское, пуническое, руны и т. д. [4], представляют собою оформление письма одной стадии, может быть различных ее пе-

[1] Г. Обермайер, ук. с., стр. 250.

[2] Г. Обермайер, ук. с., стр. 250—251.

[3] S. Reinach, Discoveries at Glozel (The Antiquaries Journal, VII, № 1, January 1927), стр. 1—5.

[4] См. таблицу 47 на стр. 62 труда G. Wilke, Sudwesteuropaische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient (Mannus № 7, 1912).

риодов, а может быть и смежной стадии поскольку Мас-д'Азиль все же носит характер переходного времени, тяготея, как можно судить по внешнему виду памятника, и к синтетической пиктограмме и к слоговой идеограмме [1]. Другие привлеченные к сравнению письмена, наоборот, как будто бы ближе к грани переходной поры от слогового чтения к алфавитному. Как бы то ни было, все же все они объединяются общим характеризующим их доминантом, выражающимся в явно выступающем в большинстве случаев упоре на слоговое чтение графемы. Впрочем, сейчас вопрос не в деталях и я вполне допускаю, что при последующем изучении этих письмен, тогда, когда удастся их дешифрировать, некоторые из них выпадут из данной схемы, как переносимые в другую, то есть окажутся не столько слоговым, сколько или идеографическим или алфавитным. Вопрос сейчас не в отдельных конкретно взятых образцах письма, а в характеристике самой стадии, уже не довольствующейся старою системою пиктограммы.

Судя по всем имеющимся данным, позволяющим судить о социальном строе эпохи, требования общения уже делали упор не на слово, а на слог, поэтому переродился прежний рисунок. Но, поскольку знак является только условным сигналом, едва ли мы имеем везде совпадение его фонетического чтения. Последнее оказывается почти обязательным при перенесении письма из одного места в другие, поэтому, миграционная теория неминуемо должна признать тождество фонетического чтения сравниваемых знаков [2]. К этому, действительно, весьма близки многие научные исследования даже нашего времени, но, при подходе к письменам с точки зрения их стадиального оформления обязательство тождества чтения графемы в различных местах, конечно, отпадает. С этой точки зрения Обермайер прав, утверждая, что сходство знаков азиальской эпохи с письменами последующих алфавитов является случайным и внешним [3]. Эти его слова правильны, впрочем, тоже только слу-

[1] См. там же. G. Wilke, конечно, очень далек от учета стадиальных оформлений, он, как и всегда, упорно стоит на основе миграционной теории. Поэтому, открытие письма в Pouca d'Aguiar лишь опорачивает в его глазах глубоко укоренившиеся ex oriente lux. Но, немецкий ученый сбивает авторитет Востока только для того, чтобы на его место выдвинуть свое «с запада свет». Стойкость взятого направления ярко выявляется сказанными по этому поводу словами G. Wilke: «Besteht daher zwischen den altiberischen und den kretischen Zeichen wirklich ein genetischer Zusammenhang — und diesen wird wohl kaum jemand bestreiten wollen — so kann als Ausgangspunkt dieses Schriftsystems nur noch das sudwestliche Europa in Betracht kommen, von wo aus es sich, sei in direktem Seeverkehr, sei es auf dem Umwege uber Nordafrika und Agypten nach den Kusten des osthchen Mittelmeerbeckens verbreitet haben muss», ук. с., стр. 61—63.

[2] Именно на этом основании G. Wilke даже и не поколебался решительно высказаться за генетическую связь восточного и западного средиземноморских письмен, в чем по его словам, «едва ли кто-либо будет сомневаться». См. предыдущее примечание.

[3] Доисторический человек, стр. 250—251.

чайно и только по своему внешнему изложению. По вложенному же в них смыслу, они равным образом в корне противоречат высказываемым нами положениям. Во-первых, тождество обусловлено вовсе не случаем, а сходством стадиального оформления общего процесса развития письма, и, во-вторых, сам автор устанавливает случайность тождества только потому, что азильское письмо отрывает от последующего алфавитного на той же территории и заставляет его совершенно заглохнуть ко времени проникновения сюда другого письма, созданного другим гением, на этот раз Финикиею. Если же тождество обязано не единству гения изобретателя, а единству стадиального содержания, то на этот раз и на самом деле сходство может оказаться только внешним, то есть только по наружной форме графемы.

Весьма возможным представляется мне, что, действительно, сходство начертания, даваемое в сводных таблицах, еще далеко не свидетельствует о сходстве чтения и даже тождестве значения. Если даже азильские и альвауские письмена вышли из реального изображения пиктограммы, то и в этом случае, при обращении их в слоговые знаки, неизбежно должно было получиться расхождение, поскольку одинаковым предметам присваивались в различных местах далеко не одинаковые названия [1]. Магический же линейный знак, лежащий равным образом в основе этих письмен, тем более не мог дать сходного повсюду наименования сокрытому в нем содержанию. Письменный сигнал, так же как и сигнал устной речи, приобретал свою значимость в зависимости от его использования в данной общественной среде. И если условный знак звуковой речи, в его устанавливаемых яфетидологиею четырех элементах, становился семантичным только в зависимости от приурочения к нему определенной значимости тем общественным объединением, каковое им пользовалось, то и условный сигнал письма мог пережить тот же ход развития по пути стабилизации его значимости и чтения.

Скрещенность азильского и альвауского письма едва ли возбуждает большие сомнения. Оба они представляют собою письмо уже преобразовавшейся стадии, хотя бы первое из них и стояло на грани выхода из палеолита. Во всяком случае, это уже не пещерная пиктограмма. Но, и в предшествующей стадии, еще в самом палеолите, изображения в пещерах были вовсе не единственным способом общения посредством графики.

[1] В различных местах даже сходные предметы, конечно, носили разные названия. Следовательно и представлявшая их пиктограмма, позднее идеограмма, читалась в различных местах различно вне всякой зависимости от того совпадают ли ее внешние очертания или нет. Между тем, чтение идеограммы (предмета) использовано для ее же слогового произношения. Каким же образом, при таких условиях, можно требовать, чтобы чтение пиктограммы и идеограммы было тождественным даже и при ее внешней графической близости?

И если Брейль усматривает в упомянутых нами знаках, по крайней мере в некоторых из них, дегенерацию или стилизацию изображения животных, то в то же время делаются и сопоставления их с магическими знаками Мадлена, Рошбертье и Гурдана [1]. Эти письмена, хотя бы и магического значения, так как от этого они отнюдь не утрачивают своего характера как одного из способов общения, существуют еще в верхнем палеолите параллельно с пиктограммами и рисунком и даже наносились иногда на них же, нередко на тело самих изображенных животных [2].

По всем данным, мы имеем еще в верхнем палеолите две системы письма. Одна из них развилась в рисунок, дав указанные выше две разновидности, тогда как другая шла стилизациею магического знака, то-есть того знака, который имел более широкое распространение, как доступный не одному только возрастному слою руководителей коллектива, но и сочленам его. Обе системы, повидимому, уже скрещивались еще в эпоху Мадлена, по крайней мере соединялись на одном и том же памятнике [3]. Поэтому, весьма возможно, что Брейль прав, усматривая в альвауских и азильских знаках также и стилизацию животного рисунка [4]. Мне кажется, что в этот период, с падением прежнего охотничьего коллектива с его выделившимся слоем руководителей, процесс мог идти к установлению одной системы письма более широкого чем прежде использования, в которой магические знаки оказались в этом отношении более приемлемыми для дальнейшего развития, чем рисунок палеолитических пещер. В результате получилось на западе Европы скрещенное новое образование, вылившееся в форму письма так называемых типов Мас-д'Азиля и Альвао. Это и будет, как можно предполагать, письмо более широкого использования, пошедшее далее по пути перерождения от слогового знака в алфавитное. Магические же знаки пошли кроме того и по самостоятельной линии развития, обслуживая уже выделившийся культ. В дальнейшем получилось все более и более обостряющееся раздвоение письменности на письмо общего употребления и на письмо специально культовое; последнее сохранило в себе и схему пиктограммы рисунка с его образным содержанием, идя на детализацию самого рисунка уже иконографического характера.

[1] H. Breuil, Rapport sur les fouilles dans la grotte du Mas d'Azil, Bull. Arch., 1902, тбл. 11, № 4; E. Piette, Anthrop. 1905, стр. 9, рис. 11; Armand Viré, Grotte préhistorique de Lacave, Anthrop. 1905; его же, La Crozzo de Gentillo, Anthrop. XIX, стр. 419 и др.

[2] См. M. C. Burkitt, Prehistory, тбл. XII, XX, XXI, XXVI—XXVIII, XXX—XXXIII; Kuhn, ук. с., стр. 318 и др. Имеется ряд ясных примеров, не допускающих сомнения в том, что эти «магические» знаки во многих случаях одновременны с самим рисунком животного.

[3] См. предыдущее примечание.

[4] H. Breuil, Exemples de figures dégenérees et stylisees à l'epoque du Renne; его же, L'Evolution de l'Art quaternaire et les travaux d'Édouard Piette (Rev. Arch., 1909), стр. 62.

Тот же процесс шел и на востоке, дав для данной стадии образцы Кипра, Крита и т. д. Рисунок же, в своей более чистой основе, уцелел в Египте, приняв вид иероглифов, уже упрощаемых для скорописи, и поскольку иероглиф, так же как и клинописный знак, обратился в знак слогового чтения, он удовлетворял тем же требованиям агглютинативной стадии письма.

Если стать на точку зрения стадиальных переходов в языке и письме, то нам придется отметить, что следующий за синтетическим период агглютинации, прибегающий к соединению слов для уточнения их служебной роли во фразе, уже не мог удовлетвориться синтетическим построением письма пиктографического начертания, также как не мог удовлетвориться в своем устном общении знаками кинетической речи. В непосредственной зависимости от этого стоит переход на идеографическое написание, перерождающееся в слоговой иероглифический или клинописный знак Передней Азии и на линейное письмо Мас-д'Азиля, еще в значительной своей части пиктографическое, на письмо Альвао, Крита, Кипра и т. д. Соединение идеограмм и других слоговых знаков в наиболее полной мере выражает агглютинативное построение фраз.

Г. Вильке, по тому же вопросу, формулирует свои выводы следующим образом: «die nordportugiesischen Inschriften konnen noch nicht die ersten Anfänge der Schrift bedeuten. Dazu sind auch sie noch, wie namentlich die fünfzeilige Inschrift von Alvâo zeigt, viel zu kompliziert. Eine lange Entwickelung muss vielmehr vorausgegangen sein, bis man dahin gelangte, in so wohlgefügten Reihen seine Ideen schriftlich niederzulegen. Dann aber richten sich unsere Blicke unwillkürlich in jene ferne Zeiten des ausgehenden Palaolithikum, wo zwar die im Magdalénien zu so hoher Blüte gelangte zeichnende und glyptische Kunst bereits im Verfall begriffen war, dafür aber ganz neue Erscheinungen auftreten, denen man wohl sicher mehr als eine bloss ornamentale Bedeutung beimessen darf und die man vielmehr bereits als erste primitive Schriftzeichen magischen, mnemonischen oder sonst irgend welchen Sinnes und Zweckes auffassen muss» [1].

Один из наиболее знакомых с материалом исследователей не решился оторвать альвауского линейного письма от своего предшественника Мас-д'Азиля. Он, как мы видели, не счел себя вправе усматривать в альвауских знаках начальной стадии развития письменности [2]. Но, что касается азильской крашеной гальки, то продолжить ее генетическое прослеживание с исходного пункта палеолита в его глубину,

[1] G. Wilke, Sudwesteuropaische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient, стр. 63—64.

[2] G. Wilke подробно перечисляет многие места нахождения подобных же знаков письменности, как то исследованные Estacio da Veiga.

немецкий ученый уже не смог. Там, по другую грань каменного века, он не усмотрел даже признаков общения посредством графики и рисунка. Там он увидел только произведения искусства. Это искусство эпохи Мадлена, достигнув, по его словам, блестящего расцвета, развалилось, и на его место выступило совершенно новое явление. Если бы исследователь расширил свой кругозор, выйдя за узкие рамки искателя «настоящего письма», и если бы он стал на анализ стадиального оформления, обратив свой взор на существовавшие тогда потребности общения и их характер, обусловленные общественною структурою того времени, то, нужно полагать, что искусственно воздвигнутая непроходимая стена не воспрепятствовала бы ему продолжить вертикальный разрез многим глубже тех мнемонических знаков Азиля, которые признаются им изначальными. Впрочем, конечно, яростный сторонник миграционной теории перешагнуть им же созданной преграды не мог[1].

Агглютинативный строй речи хорошо известен по наличным живым языкам. Некоторые из них, например тюркские, донесли свои прилепы во многих случаях в виде вспомогательных слов, почти не подвергшихся изменению. Такого рода языковые структуры наиболее показательны, давая примеры слабого выветривания отдельных слов, получивших вспомогательное значение уже в агглютинативном строе, и тем самым явно тяготея к предшествующему состоянию синтетизма. В них наиболее ярко вырисовывается трансформация одной стадии в другую, когда построение фразы набором слов перешло к оформлению отдельного слова путем присоединения к нему другого, когда-то тоже самостоятельного слова, теперь уже обратившегося в функциональное дополнение. Дальнейшая жизнь стадии повела к выветриванию основ вспомогательного слова, превратившегося в вспомогательную частицу, утратившую свое самостоятельное значение слова и используемую лишь в качестве таковой.

Получается уже сложная система употребления вспомогательных частиц в виде суффиксов и префиксов, часто нарастающих друг на друга для уточнения действующей роли характеризуемых ими слов. Такие многосложные прилепы, нанизывающиеся один на другой, уже становятся невозможными в их полной форме, и они усекаются с сохранением иногда одной только фонемы. Язык доносит их до наших дней нередко в таком потертом виде, что восстановление их первичной формы оказывается выполнимым только путем палеонтологического анализа.

[1] Такой преграды не было, в особенности по отношению именно к азильской и тарденуазской эпохам, которые даже и причисляются рядом исследователей к верхнему палеолиту, то-есть не отрываются от него. Вспомним хотя бы слова Г. Обермайера «Каменные орудия этого азильского слоя обнаруживают *большею* частью формы, свойственные магдаленской эпохе...». Ук. с., стр. 246.

Трансформация языка всегда передает ярко выраженное смешение двух его смежных стадиальных состояний, выявляя и синтетичность и агглютинацию. Так, абхазский язык совершенно не знает склонения, но обильно снабжает аффиксами глагольную основу для выражения субъектов и объектов, например, фразу «я даю матери хлеб для ее сына» абхаз выражает отсутствием склонения с сложным в то же время нагромождением префиксов и суффиксов в форме: an aʒa lə-s-ʒeyt lə-φa-y-zə, буквально 'мать хлеб ей-мною-дается ее-сын-он-для'. Эта фраза, совершенно понятная каждому абхазу, абсолютно незнакомому с правилами грамматики, выявляет архаизм структуры речи в особенности по сравнению с развитым грузинским языком, уже прочно стоящем на склонении, хотя и агглютинативным в своей основе. Но, с другой стороны, абхазский язык, конечно, уже не примитивен как в сложности построения аффиксированных глаголов, так и в самом качестве аффиксов, стертых до однофонемного состава.

В то же время тот же самый абхазский язык доносит до нас отражение даже магического мышления, имея везде в переходных глаголах пассивную конструкцию. Само собой разумеется, что последняя выявляется не в современном мышлении говорящего человека, осмысляющего произносимую им фразу совсем не так, как он ее строит. Равным образом, и баск, понимающий себя активным лицом и в этом смысле оформляющий свои непереходные глаголы, как то na-bil 'я иду', все же, сохраняя то же мышление, выражает свои переходные глаголы пассивною конструкциею. Так, na-kar-su, каковое должно было бы означать 'я несу вас', на самом же деле значит 'меня несете вы', буквально 'я несом вами'. Совершенно аналогичное явление налично и в абхазском, где, при непереходном də-ʒoyt 'он идет', имеется в переходном də-s-goyt 'его я люблю', буквально 'он мною любим', а не 'он меня любит'. То есть то, что в непереходных глаголах является логическим субъектом, оказывается при переходных уже логическим объектом. А так как указанное местоимение də, как это явствует по непереходному глаголу, является грамматическим субъектом, то оно и дает перевод, в первом случае 'он идет', а во втором 'он мною любим', в чем и выявляется пассивная конструкция второго построения[1]. Иначе мы и не можем построить перевод, раз указанное də выражает грамматический субъект во фразе, по смыслу которой этот субъект выступает в пассивной роли, а вовсе не в роли действующего лица. Здесь отразилась эпоха магического мировоззрения, когда-то давно пережитого, но сохранившегося в структуре речи человека совершенно иного мышления.

[1] См. A. Hašba, Die passive Konstruktion des abkhasischen transitiven Verbums, ЯС, VI, 1930 г., стр. 205 — 212.

Такая структура мышления с его отражением в языке не может зависить от расы и едва ли на этом будет кто-либо настаивать, по крайней мере в данном случае. Говорить о заимствовании ее басками у абхазов или наоборот не приходится. Та же структура наиболее полно представлена вообще у горских народов Кавказа, и она постепенно изживается, притом далеко не в полной мере, даже в таких языках как грузинский, сохранивший пассивный строй переходного глагола в аористе. Пассивная конструкция зависит от мышления, обусловленного хозяйственною деятельностью в особенности охотника, и потому выявляется там, где находится подходящая для того почва по мировоззрению общественной среды. Такую же конструкцию имеет северо-американский индеец, который говорит ma-wante 'я хорош', но, чтобы построить переходный глагол, должен логический субъект обратить в объект и, произнося ma-ya-kanka, он имеет в виду не себя, вяжущего другого, а себя связанного другим[1]. Разница в приведенных примерах заключается лишь в том, что само мышление современного северо-американского индейца отвечает структуре его речи, так как в его представлении все его мысли и все его действия зависят от какой-то высшей силы[2], поэтому он и говорит 'волк мне убит', хотя и сам убивает волка, тогда как баск и абхаз уже осознают себя действующими лицами, не передавая этого в указанных примерах их языковых структур.

Уленбек, изучавший северо-американские языки, не считает себя вправе рассматривать современный активный строй речи как древнейший и более естественный и признавать пассивный строй вторичным плодом цивилизации. Он утверждает, что «les faits que j'ai examinés prouvent au contraire nettement que, pour une certaine phase de développement de l'esprit, la construction passive est la plus naturelle. Dans un cas comme le basque, cette costruction, la seule de la conjugaison transitive, survivant à la mentalité primitive d'où elle tirait son origine, est arrivée jusqu'à une époque d'analyse intellectuelle. Elle y représente, tout comme chez nous par exemple le genre grammatical, un vestige incompris d'un passé très ancien où de lointains ancêtres ne voyaient encore les choses que dans la faible lueur de leurs idées préconçues magico-religieuses»[3].

Здесь языковой материал захватил магическое мышление и донес его до наших дней как свидетель давно отошедших веков, ярко выявляя мировоззрение тех эпох, о которых памятники вещевого творчества позволяют говорить только крайне гадательными предположениями.

[1] C. C. Uhlenbeck, Le caractère passif du verbe transitif ou du verbe d'action dans certaines langues de l'Amerique du Nord, Rev. internat. des études basques, XIII, № 3, juillet — septembre 1922, p. 401—418.

[2] Там же, стр. 400.

[3] Там же, стр. 418—419.

Уленбек продолжает свои исследования привлечением сюда же пережитков из современного быта европейских народов в их развитом состоянии наших дней, ссылаясь, например, на национальные гимны[1]. Этот пример можно легко продолжить ссылкой на живую речь, частично сохранившую такие построения как русское 'дождь идет', или французское il fait froid 'холодно', буквально 'он делает холод' и т. д. Значит, не только языки в цельной структуре своей пассивной речи, но и языки совершенно иного типа, доносят до нас отголоски уже забытой в быту, но сохранившейся в отдельных фактах языкового материала, магии и связанного с нею магического представления, при том в языках не только агглютинативной стадии, но и самой флективной.

Здесь не менее ясно выступает необходимость использования языковых данных всего речевого состава и палеонтологической проработки их для выявления пережитых стадий мышления, спускающих нас, может быть даже в периоды каменного века, где сам вещевой материал мертв и не сможет ожить без учета языковой сигнализации для основного задания его уразумения как продукта определенной социальной среды, им лишь крайне односторонне освещаемой.

Если бы этнографы углубили свои исследования с учетом современных языковых материалов тех же изучаемых ими народов, они легче могли бы, как это видно даже из примеров одного Уленбека, использовать свои наблюдения при попытках освещения ими давно отошедших периодов камня западной Европы.

Голые сопоставления ничего не дают и лишь сбивают исследователя, наводя его на мысль, будто бы он находится во всеоружии, хотя бы и нагруженный фактами из жизни «примитивных» народов. Из одного этого ничего не выйдет. Нужны более углубленные стадиальные сравнения. Этнограф и археолог до-историк напрасно думают, что современная речь даже «просвещенного» европейца не дает им никаких подсобных материалов в их работе над «умершими» культурами. Получается в корне неверное впечатление о том, что бытующие явления у «дикарей» ничего общего не имеют и ничем не связаны с явлениями современной нам жизни «носителей цивилизации», что это два вполне обособленных мира, из которых лишь окружение «дикаря» может дать материал, пригодный для исследовательской работы над палеолитом, тоже «дикарем». Лишь полное неумение орудовать с материалом может обосновать такие выводы.

При стадиальном подходе ко всякого рода материалу выявляются сохранившиеся отложения предшествующих стадиальных состояний, вовсе не самостоятельных в своем возникновении. Они отражают обще-

[1] Там же, стр. 399.

ственные и хозяйственные структуры, которым обязаны своим оформлением. В таком случае окажутся действительно необходимыми и параллели из современных языков того же запада, вовсе не окончательно оторвавшихся в своих пережитках от своего же прошлого.

Тем более необходим для историков даже каменного века, всегда учитывающих археологические памятники Франции и Испании, анализ такого языка как баскский, который сопоставляется Уленбеком с языками индейцев Северной Америки в их сходстве отражения магической стадии, то-есть именно той, которая прослеживается до-историком по вещевым остаткам палеолита. Баскский язык ярко выражает мышление вовсе не населения Пиренеев нашего двадцатого века. и, казалось бы, что именно он, кидающий луч света своими архаизмами на прошлое Пиренеев, является неизбежным пособником в работе археолога над до-историческими памятниками тех же самых Пиренеев, и, конечно, не в меньшей степени чем этнографические наблюдения над населением Австралии и прилегающих к ней островов. Остается только удивляться, что даже у нас по сегодняшний день включительно подготовка молодых археологов проходит мимо этого ценнейшего свидетеля пережитых эпох, могущего, действительно, перевернуть всю постановку археологического исследования в области палеолита.

Только этим путем можно понять археологические памятники, воскресающие вовсе не в простых сопоставлениях музейных коллекций с наблюдаемыми фактами из жизни так называемых дикарей. Условия современной их жизни с их отражениями в их же языках, дадут более отчетливый подход к сохранившимся пережиткам в речи не только баскского, но и индо-европейских языков, и проводимые по ним сравнения с опорою на этнографический материал придадут сознательность работе исследователя, пока, конечно, блуждающего впотьмах.

Язык представляет для исследователя исключительный материал, сохраняя в себе отпечатки ряда происшедших смен в социальной среде. И если в нем отразилась начальная для звуковой речи стадия магического мышления, то в не менее яркой степени отразились в нем же последующие пережитые периоды, выявляя нередко факты, остающиеся неуловимыми по материалам других проявлений человеческой деятельности. Так, тот же самый абхазский язык в своих местоименных суффиксах дает не только множественное число для 'я' и 'ты' (sara, wara), свидетельствуя тем самым о первичном противоположении одного коллектива (нашего) другому (вашему), но и ясную множественность содержания терминов, ныне воспринимаемых в их единичном понимании, например, тот же абхаз, желая выразить фразу 'козы вернулись (с пастбища)' строит ее в единственном числе a-ḍma gʼarleyt, имея в виду не единичную козу. Этою особенностью, выдвигающею вперед коллективное

начало, отличаются вообще кавказские яфетические языки, сближаясь в этом отношении с речью халдов еще IX — VI веков до н. э., оставляющей единственное число при цифровых обозначениях: 40.353 бык, и т. д.[1]

Здесь выступает сам общественный коллектив, связывающий воедино все им характеризуемое, перенося нас тем самым во всяком случае в ту же магическую стадию, если не глубже. Но, параллельно этому, в том же абхазском языке, как и в ряде других языков горского населения, в основе своей агглютинативных, имеются отражения и последующих стадий, конечно, сохранивших и свои вещественные памятники, но едва ли дающие возможность восстановить по ним существовавшие тогда производственные отношения так же ясно, как это вырисовывается по языковому материалу.

Абхазский язык донес до нас в своих местоименных частицах деление на так называемые классы разумных и неразумных существ, фактически соответствующих разделению на играющих активную роль в хозяйстве и на имеющих в нем же пассивное значение, хотя бы в суффиксах множественного числа ϑ̥а для активных и g̥а для пассивных, или в местоименных префиксах 3-го лица единственного числа: ı для мужского рода, l для женского, выражающих активный субъект, и d в качестве местоименной частицы активного объекта, при местоименных же префиксах «а» и «ı» для пассивных субъекта и объекта. При чем, в число имеющих активное значение входят люди, боги, ангелы и т. д., а в число пассивных включаются не только животные, но также и рабы, замужние женщины и частично подрастающее поколение. Никакой вещевой материал не дает столь наглядного представления о пережитых взаимоотношениях общественной среды кавказского горца в его хозяйственной деятельности.

Хотя бы отражение магического мышления и сохранилось частично по сей день в более ярком облике горских языков и в менее ярких формах целого ряда суеверий и предразсудков у всяких народов, все таки утверждать о наличии не пережитков и отголосков, а цельного магического мышления у народов Европы нынешнего века не возьмется ни один исследователь. Мышление изменилось, и при том наше мировоззрение пережило целый ряд трансформаций, отделяющих нас от магизма. В связи с этим, и языковой материал звуковой речи отразил не только древнейшую, им захваченную, стадию, но и все последующие. Дело научного работника разобраться в крайне сложных особенностях языковых структур, впитавших в себя элементы каждой обслуживаемой им

[1] Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Н. Я. Марр, Надписи Сардура II из раскопок западной ниши, столбец V, строка 31 и др.

стадии. В частности, родовой быт, повидимому, древнейший из знавших агглютинативный строй речи, и объединявший общественные коллективы по признакам кровного родства, не менее ярко отразился в словарном запасе. Так, кровное объединение родового общества свело во-едино такие термины как, например, 'кровь' и 'брат', хотя бы в грузинских примерах 'dma' брат' (из dal-mal) и 'si-sql-i' 'кровь', имеющее в основе 'sql', то-есть разновидность аффрикативного 'tkl' вода (tkal-i, той же основы как и первое слагаемое dal в приведенном выше слове, означавшем сочлена родового объединения[1].

Анализ агглютинативных языков может выявить целый ряд других, не менее ценных, данных для исследовательской работы историка материальной культуры, стремящегося углубить типологические построения изучаемых вещевых памятников и дать им датировку, всегда условную и в большинстве случаев неверную, так как оставляется безо всякого внимания стадиальность изучаемой культуры, каковая вовсе не должна совпадать хронологически в различных местах своего появления даже на территории одного Кавказа. Этого и не могло быть при, нередко, резком различии общественных и хозяйственных структур, сосуществующих и в то же время разобщенных. Картина не могла быть повсеместно сходною, несмотря на упрямство археологов, продолжающих датировать одним хронологическим разрезом типологически родственные находки из разных, иногда отрезанных, друг от друга районов Кавказа, отрываясь тем самым от социального фактора и не имея к тому же возможности его учесть по односторонним данным вещевых памятников.

Что касается систем письма, то, как уже указывалось выше, агглютинативный строй речи, делающий упор на слога, должен был использовать письменность, обращаемую им в слоговое чтение. Поэтому, иероглиф и идеограмма предшествующей стадии использовались уже в их слоговом чтении, и, для написания слова, писец прибегал к расчленению его на слога и к изображению последних соответствующими слоговыми знаками. Поэтому, получалась возможность различного написания одного и того же слова в зависимости от того, как оно разбивалось по слогам. Например, халдский писец мог имя царя Аргишти написать и Ar-gi-iш-ti и Ar-giш-ti. Но сами слоговые знаки, бывшие когда-то обозначением отдельного слова, оказались тем самым ограниченными в своем количестве.

Если бы иероглифическое и идеографическое письмо были даром гениальности отдельного изобретателя, то последний мог бы предусмотреть все возможности слоговых разновидностей и их фонетических

[1] Н. Я. Марр, О полигении семантики, 'брат' и 'кровь', ИАН. 1926 г., стр. 781 сл.

оттенков. Но процесс развития шел совсем иным путем, и потому мы не можем наблюсти стройности внутри самой системы и, действительно, ее не наблюдаем. Все зависело от общественных потребностей в сигнализации определенных предметов, вовсе не случайных, а необходимых в деятельности данной среды. Ею обусловлен наличный состав пиктограмм. Когда же строй речи перешел на использование идеограмм, то он, в своей аморфности и синтетичности, превратил в них имевшийся запас пиктографических обозначений, лишь дополняя доставшееся наследство обозначениями новых предметов, вызываемых к жизни хозяйственною деятельностью и мышлением. Равным образом и слоговой состав письма агглютинативного строя находится в строгой зависимости от уже имевшегося числа идеографических знаков.

Поэтому, письмо, воспринятое в том же виде другим народом, говорившим на другом языке, с одной стороны отрывалось от тождества чтения слога с именем означаемого знаком предмета, так как имя того же предмета в другом языке звучало уже иначе. С другой стороны, сохраняя чтение слога, тот же знак сохранял и свое значение идеограммы, свое значение знака, приуроченного к обозначению предмета. А так как процесс продолжал свой непрерывный ход развития, то сходное же явление, а именно прикрепление за знаком звукового чтения означаемого им предмета, закрепляло за ним же и звуковое чтение того же предмета в новом языке, пользующемся тою же системою письменности. В результате оказалось стечение в одном знаке целого ряда слоговых чтений. иногда совершенно различных. Этим наиболее характерны семитические языки Вавилона и Ассирии. Но, конечно, это является не их только особенностью. Тот же процесс шел везде, где идеограмма обращалась в слоговой знак и переживала использование ее народами, говорящими на разных языках. Это оказывалось неизбежным, пока сам языковой строй не сделал упора на фонему.

По тем же соображениям придется допустить, что и такое стадиальное оформление как письмена альвауское, критское, кипрское и т. д. могли для каждого знака иметь не одно, а несколько произношений, если и они пережили использование их не одним, а несколькими народами, говорившими на языках различных структур. Это еще больше осложняет вопрос об их чтении каждого в отдельности. Но возможность этого не устраняется, раз мы признаем преемственную связь слогового знака с письмом идеографического характера, что для историка письма не может вызывать каких-либо сомнений, если только некоторые из упомянутых выше письмен не перешли уже на устойчивость фонетического чтения (фонемного).

VII. ФЛЕКТИВНАЯ СТАДИЯ.

С переходом на флективный строй с функциональными частицами в виде различных аффиксов и инфиксов, прибавкою отдельных звуков или видоизменением их, усиливается упор на отдельную фонему (звук), и клинописный слоговой знак оказывается уже слишком сложным для отражения в письме многообразных звуковых оттенков. В зависимости от этого и письмо переходит на фонемное (алфавитное).

Поскольку агглютинативный строй речи является прямым следствием реконструкции строя аморфно-синтетического путем соединения слов, прежде обособленно стоявших во фразе, постолько же и флективная стадия оказывается по существу дальнейшим видоизменением агглютинативной. Набор слов синтетического строя заменился в агглютинативном использованием отдельных слов в качестве вспомогательных частиц, постепенно утрачивающих свое самостоятельное содержание и во многих агглютинативных языках уже не понятных в их собственном словарном значении. С течением жизни языка эти вспомогательные частицы выветриваются и вырождаются в отдельные аффиксы, еще более отдаленные от их первичной формы самостоятельного слова. Нередко только палеонтологическим анализом удается осветить их генезис. Совершенно аналогичную схему переходов от одной структуры в другую мы имеем и в письме. Весь предыдущий очерк был посвящен прослеживанию именно этого явления.

В Передней Азии и Европе все существовавшие системы письма пережили процесс трансформаций, принаравливаясь к требованиям изменявшейся структуры речи. Флективный строй уже отмечается в значительном числе древнейших, так называемых письменных памятниках, то есть тех из общего числа их, которые поддаются разбору и чтению. Большинство этих текстов застает уже феодальный строй.

Поскольку сама структура речи доносит даже до сего времени глубокие пережитки прошлого, отражая, например, в индо-европейских флективных языках отголоски даже синтетического строя[1] и выявляя, так сказать, межстадиальную гибридность, постолько же не могут быть предъявляемы требования о точном соответствии определенной системы письма определенной структуре речи. Кроме того, и сама отдельно взятая структура письма оказывается крайне смешанною, содержа в себе элементы по меньшей мере двух смежных стадий. Так, например, клинописная система письма употребляет знаки качественно далеко неравноправные. В клинописных текстах мы буквально на каждом шагу

[1] Например, в немецком, где наблюдается тенденция глагола стоять в конце фразы и т. д.

встречаем знаки и в идеографическом их чтении цельными словами и в их уже слоговом произношении. Один и тот же знак в одном и том же тексте мог быть использован и в том и в другом значении. В виду этого, интерпретатор клинообразных надписей сплошь и рядом находится в затруднении, не зная какой именно смысл вложен в данное написание знака писцом древнего Востока[1].

Такая двойственность в использовании одной и той же графемы не может быть объяснена ни чем иным, как тяготением письма к новому, в данном случае агглютинативному, строю речи и задерживающим началом предыдущей еще синтетической стадии. Это оказывается даже неизбежным при действующих условиях стадиальных переходов. Этого, наоборот, не могло бы быть лишь в том случае, если бы каждая, с нашей точки зрения стадиальная, структура речи считалась бы изначальною в форме хотя бы восстанавливаемого праязыка, уже носящего в себе основные начала, присущие дальнейшим ответвлениям языковой семьи. Если же праязык есть только рабочая гипотеза, при том в нашем ее понимании крайне неудачная, то обычно даваемые толкования не могут быть признаны приемлемыми. Достаточно даже одного примера клинописных языков, чтобы признать неизбежную необходимость вернуться к стадиальному прослеживанию с его переходами из одного в другое и с неминуемыми остатками предыдущего состояния.

В результате можно было бы отмеченное явление в части клинописных языков отнести за счет переходного периода от одной стадии к другой, когда основы одного стадиального оформления лишь частично приспособились к требованиям нового. Но это совершенно правильное по существу заключение наталкивается на одно весьма существенное препятствие, заключающееся в том, что мы не имеем ни одной структуры клинописных языков, цельных в своем агглютинативном (слоговом) строе. Нет клинописных языков, в которых бы совершенно отсутствовали идеографические знаки-слова. В результате оказалось бы, что мы вовсе не имеем в клинописи примеров основной стадии, а имеем только

[1] Такое сосуществование идеограммы и слогового знака в клинописных языках может быть объяснено только как стадиальный пережиток синтетического строя в письме уже агглютинативной речи. Между тем этот пережиток в письме Передней Азии оказывается вполне закономерно действующим. Хотя бы на примере этих клинописных языков мы ясно видим всю бесплодность исследователей письма в их попытках опознать речевую структуру без учета стадиальных переходов. Языковой материал ярко сигнализует пережитые смены, поэтому яфетидология, несмотря на протесты целого ряда исследователей, выливающиеся иногда в достаточно явной форме, продолжает настаивать на необходимости учета языковых данных именно в этом их палеонтологическом разрезе во избежание неминуемого уклонения историка материальной культуры или в узкое вещеведение или в витающие над материалом построения, граничащие нередко с диллетантизмом.

сплошную переходную систему. Очевидно, это затруднение придется обойти поисками доминирующего начала, и такой обход окажется вполне обоснованным раз мы признаем отсутствие вообще чистых структур, по крайней мере, в самой языковой речи. Подобное же явление неустойчивости признаков мы наблюдаем в яфетической стадии развития речи, в которой абхазский язык и синтетичен и агглютинативен и флективен, грузинский агглютинативен, но выявляет сильную тенденцию к флективному оформлению по норме семитических языков, тогда как армянский постолько же индо-европейский, посколько и яфетический. Это — явление общего порядка, а вовсе не какая-либо исключительная особенность одного какого-либо языка или одной какой-либо языковой стадии. Наиболее цельными по своей структуре могут оказаться только наиболее архаичные стадии, в которых багаж предшествующих ступеней развития несоизмеримо менее по сравнению с развитыми языками уже исторических периодов и потому не столь заметен как в них.

Кроме того, новая система письма внедряется не сразу, а после длительного состояния несоответствия ее прежнего оформления меняющемуся строю речи. Обостряющееся благодаря этому несоответствие производит взрыв и, пока такового взрыва еще не произошло, структура речи вынуждена укладываться в перестающую ей соответствовать структуру письма. В определенные моменты обострившегося расхождения начинаются поиски выхода из возникшего разногласия. Таким путем, одно и то же иероглифическое письмо Египта, в результате приспособлений, дошло до фонетического чтения, до выражения иероглифом отдельного звука. Арабское письмо соответствовало весьма отдаленным периодам семитического строя речи, не дававшего еще богатой дифференциации гласных звуков, и потому передавало лишь согласный элемент при его чтении хотя бы и с неясною огласовкою. Следовательно, по существу своему еще слоговое, арабское письмо начало совсем недавно видоизменяться введением огласовки путем надстрочных знаков и, уже на наших глазах, взрывается переходом на алфавитное письмо так называемой латинской системы. Тюркские языки, сделавшие упор на огласовку, то-есть на отдельную фонему, не в состоянии дольше пользоваться письмом слогового содержания в его хотя бы и видоизмененном арабском начертании, выявляя этим свое приближение к флективной стадии. Вполне возможно, что обычно задерживающийся темп развития письма, в данном примере уже нашего времени, изменил своему обычному направлению расхождения графики с устною речью, опередив последнюю и дав при действующей еще агглютинации письмо флективного строя. Но, здесь пред нами уже явление развитого исторического периода наших дней.

Процесс перехода на новое письмо в исторические времена, при наличии общения почти в обще-мировом масштабе, совершается значительно более планомерно, чем в так называемые времена до-истории, когда разрозненные географические районы были не в состоянии учесть и использовать проделанный опыт других мест. Переносить возможности сегоднешняго дня в столь отдаленные эпохи как периоды жизни письма древнего Крита, и тем более Альвао и Мас-д'Азиля, конечно, не приходится. Поэтому, оказываются в значительной степени бесплодными попытки исследователей связать или разорвать до-историческое письмо Испании с финикийским, соединив с последним алфавит классического мира, каковой, в свою очередь, отделяется ими от когда-то существовавшего там же письма более древнего образца. Мы видим здесь ту же неудачную попытку объяснить явление, каковая в области археологических исследований привела к установлению пракультур с их центрами зарождения и развития. Тот же подход и здесь, в области письма, уперся в неизбежность поисков творца данной письменности, очагов ее зарождения, путей ее распространения всегда из единого центра, и тем самым отстранил установку на стадиальные чередования и ограничил генетическое прослеживание временами появления «настоящего» письма, тогда как искусствоведческий подход истолковал мадленскую стенопись гением африканского пришельца[1].

Вопрос разрешится лишь углублением стадиальной постановки исследовательской работы. Но и при новом подходе к наличному материалу приходится считаться с уже отмеченною предпосылкою: сама трансформация систем письма идет медленным приноровлением их к изменяющимся структурам речи. И так как именно их перемены влекут за собою перемену систем графики, то в доступном изучению материале речи и письма мы наблюдаем частые моменты несоответствия одного другому и попытки согласования их.

Так, например, клинообразная система письма Передней Азии в определенный период своего существования является в своей основе слоговою, но гласные звуки в ней уже выделяются в своем самостоятельном фонетическом написании, таким образом еще в клинописи появляется соответствие фонемы графеме, что служит признаком алфавитного письма, а вовсе не слогового[2]. Кроме того, флективный язык Ахе-

[1] H. Kuhn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas, ук. с., стр. 223 и др.

[2] Но в той же клинописи сохраняет действующую силу и идеограмма, то-есть знак, выражающий цельное слово, следовательно один из элементов синтетического строя. Таким образом, в клинообразных письменах мы имеем в основе агглютинативный (слоговой) строй, но с наличием синтетического (идеограммы) и фонемного (гласные знаки). Очевидно, требование речи уже с древнейших времен существования клинописи делало упор на огласовку, обратив в фонемный знак прежний слоговой путем отпадения

менидской Персии сохраняет преемственно от великих держав Передней Азии клинописное начертание, но уже обращает его из слогового в алфавитное, то-есть читает каждый клинописный знак как отдельный звук. Египетское иератическое письмо доходит в его использовании до фонемного чтения каждого иероглифа. Равным образом, флективная речь халдского периода древнего Вана не должна была бы, по своей структуре, удовольствоваться клинообразною системою письма. А когда в этом появилась потребность у халдов-урартов, они не имели в своем окружении иных образцов письма, кроме клинописи, каковая преемственно сохранилась у соседящей Ассирии, также уже флективной в своей семитической речи. В результате оказывается, что халды заимствовали у ассирийцев имевшееся у них письмо, уже не соответствовавшее требованиям самой Ассирии и тем более не отвечавшее требованиям не семитической речи халдов. В итоге получилось полное расхождение системы письма со структурою языка, так как письмо было слоговым (агглютинативным), а речь флективна (алфавитна). В связи с этим возникают необычайные затруднения как в чтении и разборе текста, в части его морфологических особенностей, так и в улавливании фонетических оттенков разговорного языка.

Исследователи и здесь применили свой своеобразный подход, усмотрев в клинописи единственно наличное письмо той эпохи.[1] Между тем, такое резкое расхождение графики с устною речью должно было бы навести на мысль об умышленном архаизме этой системы, далеко отошедшей от развитого флективного строя обыденной речи халдов. В этом случае, для возможно правильного разрешения спорного вопроса, следовало бы обратить внимание на содержание изучаемых текстов, представляющих собою торжественное оповещение царя о своих победных или строительных деяниях, при том в форме вовсе не обычных повествовательных текстов, а неестественно напыщенных фраз, обращаемых

имевшихся в нем консонантов. Выветривание слогового знака обусловлено, впрочем, выветриванием самой основы идеографического термина, уже звучавшего одним гласным звуком, например «а» 'вода', 'сын' и др. Благодаря этому, строй самого письма оказался уже нарушенным в своей агглютинативной основе, притом нарушенным еще в шумерском и эламском, то-есть в самых древних из наличных пока своих представителей. Тем самым мы вправе констатировать проникновение начал флективности в речь населения Передней Азии еще до предполагаемого внедрения сюда не только индоевропейцев, но, повидимому, даже и семитов. Следовательно, вопрос не в этих внедрениях, а в происходящем сдвиге на месте. Оставление этого сдвига без учета лишь вредит исследовательской работе, сворачивая ее на заманчивую легкость объяснения новых явлений только внедрением нового этнического состава. Что же касается самих клинописных текстов, то в них оказываются не только пережитки прежней синтетической стадии, но и подчинение системы письма новым требованиям флективности

[1] Речь идет о письме халдов-урартов.

к богу покровителю. К тому же эти тексты своеобразны еще и с другой стороны, отражая мышление едва ли эпохи самого исторического Вана. В их структуре всплывает архаизм, доходящий до тотемического миропонимания. Если с этой стороны вчитаться в халдские тексты, то мы в них, несмотря на наличие культурной стадии уже развитого железного века, увидим черту весьма характерную еще для охотничьего коллектива.

Оказывается, что халдский царь не только письменно сносился с своим тотемом-богом, что само по себе ничего особенного для его эпохи не представляет, так как это же делали и правители Ассирии, но и имел этого тотема-бога в своем воиске. Общение с богом посредством письма, конечно, оказывается само по себе пережитком далеко отошедшего прошлого, отражая если и не по внешней своей форме, то во всяком случае по содержанию, древние пиктограммы чуть ли не альтамирских пещер, в которых так же, хотя бы и в ином оформлении письма, общались с магическою силою. Такой архаизм в ванской клинописи всплывает хотя бы в том, что бог Халд не только участвует в походе, но и непосредственно принимает участие в военных действиях. Его участие выступает тут даже ярче, чем участие богов в Троянской войне, где они только содействуют героям и ссорятся между собою посколько им позволяют рамки эпического сказания, тогда как урартский бог Халд, более того, сам непосредственно воюет, сам покоряет города, что и оттеняется в тексте вовсе не литературного произведения[1]. Он выполняет полностью функции охотничьего тотема, тоже участвующего в действии, пережиточно попав в стадию совершенно иного оформления[2]. С этой стороны, анализ всякого рода текстов интересен в своей палеонтологической части, разъясняя миф в литературных произведениях типа Гомеровского творчества, которые в мифологической оболочке доносят мировоззрение пережитых эпох. Тот же палеонтологический анализ выявляет в культовых текстах застывшее мышление религиозного оформления эпох, может быть и не столь отдаленных от времени написания самого памятника, хотя бы и уходящих в своих стадиальных чередованиях до времен значительно более почтенной древности.

При таковом архаизме миропонимания вполне возможен и умышленный архаизм письма, уже культово оторванного от окружающей его жизни, параллельно которому могла существовать другая письмен-

[1] В Халдских текстах нередко встречаются такие построения, как «к богу Халду обратился я (царь) с молитвою, великою своею милостью покорил он (Халд) . . . .» См., например, летописи Аргиштия на Хорхорской скале.

[2] Здесь мы имеем прекрасную иллюстрацию к приведенным выше словам Улен-бека, прослеживающего сходную с магическим мышлением структуру в современных нам национальных гимнах.

ность общего употребления. Наличие такой письменности, сосуществовавшей клинописи, например, в Ассирии более чем возможно. Кроме того, в халдских царских текстах, в значительной степени культового содержания, мы имеем явное заимствование чужеземного письма, и исследователи в полной согласованности друг с другом признали их первым и единственным по времени письмом древнего Вана[1]. Выходит, что местное население до воцарения Ишпуина вовсе не владело никакою системою графики, хотя бы и менее совершенной чем клинопись, что, конечно, могло иметь место, но что, в то же время, вовсе не является обязательным. С другой стороны, исследователи не обращают никакого внимания на наличие в Ване же письма иного типа, напоминающего собою стилизованные пиктограммы[2]. Признав царскую клинопись за письмо самого халдского народа, исследователи судят по наличным царским текстам о языке этого народа, имеющееся же о Ване пиктографическое письмо относят за счет привезенных извне памятников, совершенно чуждых халдской почвы. Между тем, может быть именно это письмо было ближе к халдской народной массе, чем те клинообразные тексты, которые считаются единственными свидетелями языка данной эпохи.

Научный работник, совершенно не считаясь с тем, кто и для чего пишет, не в состоянии допустить даже мысли о том, что одновременно более совершенной идеографически-слоговой клинописи могло существовать письмо хотя бы и еще более архаичное в разрезе стадиальных чередований. Тем менее склонен он к поискам здесь же письма, уже продвинувшегося в следующую стадию флективности. По крайней мере в Ассирии на это не обращалось почти никакого внимания, и ассириец, в нашем представлении, всегда связывается только с клинописью, тогда как переход на алфавитное письмо неизбежно возводится к единому избранному центру, откуда оно разносится по другим странам. В связи с этим научный спор сосредоточивается на отстаивании или оспаривании приоритета Финикии.

В то же время, поскольку клинописью, по крайней мере в Ассирии и Вавилоне, передавалась и живая речь, она должна была в определенное время дать почувствовать происшедшее расхождение устной речи с графикою. И если вернуться даже к тем текстам, которые только и составляют Corpus Inscriptionum Chaldicarum, то, конечно, и их струк-

[1] Древнейшие известные нам тексты принадлежат Сардуру I и написаны на ассирийском языке (первая половина IX века), тексты на халдском языке, начертанные знаками ассирийской клинописи, начинаются с Ишпуина (конец IX века).

[2] C. F. Lehmann-Haupt, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Berlin 1907, рис. 81 a — b.

тура письма не отвечает требованиям излагаемой в них речи, передавая слоговым клинообразным письмом речь уже фонетического строя.[1]

Ни халды, ни сами ассирийцы не успели выйти из этого затруднения, согласовав систему клинообразного письма с системою речи. Их дело пыталась завершить сменившая их ахеменидская Персия, своеобразно изменившая назначение клинописного знака, придав ему фонетическое содержание, то-есть изображая бывшим слоговым (агглютинативным) знаком отдельный звук флективного (алфавитного) письма. Но и тут опять получилось несоответствие, так как клинописный знак оказался слишком сложным для выражения фонемы; он был уже затруднителен в новых условиях скорописи, требовавшей самостоятельного обозначения каждого звука.

В дальнейшем ходе развития флективных языков вымирают и иероглиф и клинопись, заменяемые буквенным алфавитом, и, в связи с этим, прежнее реалистическое по своему существу пиктографическое начертание, реалистическое именно потому, что им выражался целый образ, доходит до нас, через промежуточные стадии идеографического и слогового письма, до вполне условного написания алфавитного знака.

Если пиктограмма, означавшая отдельный предмет, и могла сравнительно легко перейти в слоговую идеограмму, так как фонетическое ее чтение было односложным, то такой же легкости перехода не могло быть по отношению к идеограмме, превращающейся в однозвучное обозначение. В некоторых случаях, при переходе на фонемное чтение, прежний слоговой знак стал обозначать лишь один из составляющих его звуков, нередко именно первый звук. Так было, между прочим, с иероглифическим письмом Египта. В частности и само финикийское письмо, очевидно, пережило аналогичный процесс, что легко можно заключить из наименования таких букв, как dalet 'дверь', фонетически просто d и т. д. На этом основании историки письма возводят финикийский алфавит к пиктограмме. В этих, и целом ряде других сходных примерах, достаточно ясно выступает необходимость стадиальных прослеживаний развития письма в связи с таковым же прослеживанием развития речи. Следовательно, и само алфавитное письмо является только стадиальным оформлением, а вовсе не даром гениального финикийца. Во всяком случае, в научной литературе вопрос о происхождении целого ряда алфавитов продолжает оставаться открытым.[2]

[1] C. F. Lehmann-Haupt, Corpus Inscriptionum Chaldicarum, I, Berlin-Leipzig 1928.

[2] Нет никаких сомнений, что флективным языком пользовался уже и феодальный строй. Вопрос, конечно, не в том, что феодалы, например, Востока использовали и агглютинативную речь. Особенности потребностей общения были не везде сходны и, преем-

Если звуковая речь дожила до наших дней, в более цельном виде или в пережитках отражая даже магическое мышление, то-есть мировоззрение эпох далеко от нас отошедших, спускаясь вплоть до времен палеолита, то все же она, трансформируясь в зависимости от меняющихся условий деятельности человеческих объединений, сохранила отпечатки и всех последующих смен пережитых социальных состояний. Язык, проходя через них, накапливает в себе сосуществующие отложения совершенно различных мировоззрений, нередко по новому осмысляемые и обращающиеся вновь в архаизмы в каждом из последующих стадиальных напластований. В результате, не только в самой структуре речи, но и в лексическом ее составе мы наблюдаем скрещения разностадиальных оформлений, и все это прослеживается в вечном процессе движения во всех его многообразных проявлениях как в языке, так и в письме.

Работа исследователя осложняется настолько, что он, в момент раскрытия перед ним богатой картины дотоле неизвестного ему прошлого, увлекается возможною простотою объяснения и склоняется к признанию цельности содержания каждого изучаемого им отрезка. Подходя к оторванно взятому периоду в его мнимом стабильном состоянии и не желая замечать решающей силы поступательного движения, исследователь объясняет разошедшиеся культуры принадлежностью их различным расам. Появилась и пышно расцвела расовая теория, углубляемая до палеоэтнологии.

Языковой материал, наиболее ярко передающий процесс движения пережитых эпох, восстал в своем яфетидологическом освещении против упрощенной схемы индо-европеистики как в языкознании, так и в археологии.

Даже такие, казалось бы, простые факты как сосуществование различных структур, несмотря на бесспорность подобного рода явления, нередко оставляются безо всякого учета археологом, хотя бы и переименовавшим себя в историка материальной культуры. Он переименовал себя, совершенно не отдавая себе отчета в том, что тем самым трансформировался сам в новый тип исследователя. Между тем, никакое переименование не смогло изменить содержания научной работы.

ственно, предшествующая структура могла сохраняться и даже пережить ту или иную структуру общества. В вопросе трансформации важно то, что определенный социально-экономический строй уже, хотя бы и не повсеместно, перерабатывал систему речи, но имеются некоторые основания спустить флективный способ сношения и в жизнь античного общества. Таким образом, в данной главе о флективной стадии сохраняется существенный пробел, а именно отсутствие увязки речи с определенным общественным строем. Недостаточная проработка материала вынуждает меня отложить ответ на этот вопрос

Археологи до-исторических периодов попрежнему датируют находки почти исключительно на основе стилистического анализа, и раз продатированный ими объект считается исходным пунктом для датировки других на основе того же сравнительного метода. В результате оказывается, что именующий себя историком материальной культуры остался по существу тем же археологом-вещеведом, относящим сходные стадиальные формы в памятниках вещевого творчества, независимо от того где бы они ни находились, к одному и тому же тысячелетию, подчас с точностью до столетий. Таким образом, даже культуры так называемого до-исторического Кавказа, при всем их многообразии сегодняшнего дня, представляются археологу в виде стройного чередования повсеместно сходных оформлений, одинаково датируемых на всей территории края в его «до-историческом» прошлом. Это называется знанием материала и умелым к нему подходом. Именно поэтому историк материальной культуры не считает для себя нужным учитывать языковые свидетельства и усматривает вредный для себя яфетидологический напор в советах учесть языковые данные для оживления мертвого археологического материала.

Между тем, языковые факты принудят археолога свернуть с узкого вещеведческого пути и отказаться от пракультур и пранародов подобно тому, как в области лингвистики пришлось отказаться от праязыка. Соответствующие формации с учетом их мировоззрений в последовательных сменах, выявляемых языковым материалом, теснее свяжутся с комплексами синхронистических памятников материальной культуры, и последние получат свое стадиальное определение и свое место в чередующихся периодах, далеко не везде одновременных и вовсе не всегда заступающих один другого в той же последовательности смен. Уточнится также и значимость изучаемых предметов, функция их в использующей общественной среде. И здесь, спускаясь по звеньям семантического ряда в его языковом выявлении, исследователь более уверенно схватит настоящее назначение им изучаемого явления и тем самым поймет его содержание.

Не менее ярким свидетелем пережитого является и спутник устной речи в ее письменном воплощении эпиграфического памятника. Тут язык уходит глубже читаемых текстов и через пиктограмму спускается непосредственно в эпоху палеолита, захватывая тем самым и исходный период кинетической речи[1].

[1] Весь настоящий очерк представляет собою свод длительной проработки темы выдвинутой кратким моим сообщением «К вопросу о происхождении членораздельной звуковой речи» (ДАН, 1930 г.). Тогда была дана только схема для будущего исследования по намечаемому яфетидологией направлению. В настоящее время эта схема несколько детализирована, но все же остается пока лишь опытом. Каждая глава даваемого мною очерка подробно обсуждалась в целом ряде заседаний Разрядов древ-

Дело будущего — уточнение основных положений и сама исследовательская работа над материалом.[1]

него Кавказа и языка Гос. Акад. Истории Материальной Культуры, и, таким образом, труд мой является результатом коллективной работы сотрудников названных Разрядов, предполагающих продолжить взятое на себя задание прослеживанием отдельных выдвигаемых тем.

[1] Опыт яфетидологической классификации языков по ступеням стадиального развития материальной культуры, с указанием места кинетической речи и периода формирования членораздельной звуковой речи, помещен мною в ДАН за 1930 год, стр. 95—99, в статье, озаглавленной «К вопросу о происхождении членораздельной звуковой речи».

ОПЫТ СТАДИАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СИСТЕМ ПИСЬМА И РЕЧИ

Общественный строй	Археологические периоды	Способы общения	Письмо	Строй речи
1. Коллектив собирателя с естественным орудием	золит	кинетическая речь		
2. Коллектив собирателя и охотника с искусственным орудием	нижний палеолит			аморфный
3. Коллектив мелкого охотника	средний палеолит		диффузный знак	аморфный
4. Коллектив крупного охотника (начало скотоводства и мотыжного земледелия)	верхний палеолит		образная пиктограмма	переход к аморфно-синтетическому
5. Общественные группировки, характеризуемые переходом на скотоводство и земледелие	неолит	звуковая речь	пиктограмма и идеограмма	аморфно-синтетический
6. Родовые общины	металл		идеограмма и слоговой знак	агглютинативный
7 Феодализм			алфавит	флективный

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение . . . . . 1— 8
I Период общения автоматическими телодвижениями, близкими к состоянию аффекта (стадия собирателя с естественным орудием, эолит) . . . . . 8—17
II Низшая ступень кинетической речи, выработка условной сигнализации (стадия собирателя и охотника с искуственным орудием, нижний палеолит) . 17—22
III Аморфная стадия речи (стадия мелких охотничьих объединении, средний палеолит) . . . . . 23—29
IV Переход от аморфной к аморфно-синтетической стадии, оформление членораздельной звуковой речи (крупные охотничьи объединения, верхний палеолит) . . . . . 30—45
V Аморфно-синтетическая стадия:
а) оформление стадии (переход на оседлую жизнь) . . . . . 46—56
б) переход от аморфно-синтетической стадии к агглютинативной (объединения эпох ранних культур металла) . . . . . 56—64
VI Стадия агглютинативная (скотоводчество и земледелие, родовые общины?) . 64—80
VII Флективная стадия . . . . . 81—88
Послесловие . . . . . 88—91
Таблица: опыт стадиального распределения систем письма и речи 92